

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНОГО ВРАЧА

$x + y =$

В телесериалах лишь
верхушка айсберга.
Настоящий ад, который
готовят нам «детки»,
в книге-дневнике человека,
работавшего доктором
в школе!

Доктор-Аурак! →

приемный
покой

Приемный покой

Андрей Шляхов

Записки школьного врача

«Автор»

2012

Шляхов А. Л.

Записки школьного врача / А. Л. Шляхов — «Автор»,
2012 — (Приемный покой)

ISBN 978-5-271-40247-0

Эта книга человека, который не понаслышке знает, что такое работа в школе. Тем более, работа доктора! В частной школе за внешним благополучием таится настоящий кошмар. "Детки" манипулируют окружающими в совсем не безобидных целях. Врачебная загадка, с которой сталкивается главный герой, может помочь распутать клубок странных происшествий и предотвратить страшный финал...

ISBN 978-5-271-40247-0

© Шляхов А. Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Охота к перемене мест	6
«Пантеон наук»	9
Первый день	12
Низкий порог возбудимости	16
Первое сентября	21
Театр абсурда или Фестиваль маразма	26
Гламур, амур и прочие удовольствия	32
Между двух огней	38
Вопросы и ответы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Шляхов

Записки школьного врача

*Вы вступили, по собственной прихоти,
в сферу фатального – смиритесь и будьте терпеливы.*
Венедикт Ерофеев.
«Москва – Петушки»

*Оставь надежду всяк сюда вошедший»
С лаптями, чемоданом и одеждой,
Поскольку знает каждый сумасшедший —
В бордель не пустят со своей Надеждой.*
Александр Вишнёв

От автора

Все имена и названия вымышлены, совпадения могут носить исключительно случайный характер.

Охота к перемене мест

– Не надо меня шантажировать, Сергей Юрьевич! Идите работать!

Я встал, машинально одернул халат и уточнил:

– Так вы меня отпускаете?

– Я отпускаю вас работать! – рявкнула «мама». – А в отпуск пойдете, когда позволит ситуация!

Ситуация была ко мне неблагоприятна. Коллеги болеют, увольняются, уходят в декретный отпуск, идут учиться, а моим восьмидесятипятикилограммовым телом постоянно затыкаются образовавшиеся бреши. Сначала я должен был идти в отпуск в июне, затем – в июле, потом июль превратился в «с первого августа», первое число стало двадцатым («Ну это, Сергей Юрьевич, в любом случае! Что бы ни случилось!»), а сегодня я понял, что мой летний отпуск накрылся окончательно и бесповоротно.

Ничего страшного, но когда тыходишь в положение и идешь навстречу несколько раз подряд, да еще и практически безропотно, администрация привыкает на тебе ездить. И стоит тебе взбрыкнуть и заявить о своих правах, как начинается...

– По-моему, ситуация вполне позволяет, Зинаида Федоровна, в отделении остаются два врача и заведующая...

– Значит, вы, молодой и полный сил мужчина, поедете загорать в Анталию, а Полина Осиповна вместо вас будет бегать по участку? В ее-то годы? И вам не стыдно, Сергей Юрьевич?

– Ну, если она до сих пор работает, значит силы у нее есть. Потом мой отпуск и так уже сдвинулся с начала июня на конец августа...

– Но ведь не просто так!

– Позвольте, Зинаида Федоровна, я докончу. Если вы так беспокоитесь о Полине Осиповне, то переведите к нам временно кого-нибудь из первого отделения. Или же пошлите на участок кардиолога, ей все равно летом делать нечего...

– Сергей Юрьевич! – Главный врач хлопнула ладонью по столу. – Не учите меня, как надо руководить. Идите работать! Я больше не хочу говорить на эту тему!

Мне тоже не хотелось продолжать дискуссию. Бесполезно, все равно что против ветра писать. Я вышел в приемную, попросил у секретаря чистый лист бумаги и написал заявление об увольнении. Уйти я собирался давно, да все откладывал и откладывал. Разговор с главным врачом стал той последней соломинкой, которая ломает верблюжьи спины.

Снова, увидев меня на пороге, «мама» чуть не задохнулась от возмущения. Пока она пучила глаза и наливалась свекольным цветом, я успел положить ей на стол заявление.

– С завтрашнего дня я вас не отпущу! Что это вы выдумали?! Отработаете две недели, как положено!

– В последнее время я сильно устал, Зинаида Федоровна. – Нагляя все больше, я сел на стул и даже позволил себе облокотиться на стол, прижав локтем бумаги. – А сегодня еще сильно понервничал. Боюсь, что две ближайшие недели я буду вынужден бороться с гипертонией...

«Не отпустишь добром – завтра сяду на больничный, на все две недели». Именно так стоило понимать мои слова.

Главный врач попытала-попытала да и подписала мое заявление.

– Назад я вас не возьму! – предупредила она, сверкнув глазами.

– Что вы, – улыбнулся я, забирая заявление, – у меня и в мыслях ничего подобного не было. Можете не волноваться...

Душа моя ликовала – я настоял на своем, я отстоял свой отпуск и наконец-то сжег за собой все мосты. Теперь моя жизнь непременно изменится к лучшему. О том, где буду работать, я не беспокоился – по нынешнему времени педиатру-москвичу, не имеющему вредных

привычек, безработица не грозит. Да и к тому же повсюду были свои люди – бывшие однокурсники. Действительно, повсюду – от Института педиатрии до больницы Святого Владимира. Впрочем, к Святому Владимиру меня не очень-то и тянуло, я еще во время учебы усвоил, что скорпомощная больница – это ад. Как в смысле работы, так и во всех прочих смыслах. Поликлиника, конечно, тоже не рай, но хотя бы без ночных дежурств.

Перемены в жизни всегда располагают к чревоугодию – хочется побаловать себя чем-нибудь вкусным, утешить. Оттого и вешу я килограммов на десять больше, чем положено при моем росте. Я вспомнил, что давно не ел аутентичной китайской еды, и решил немедленно исправить это упущение. Пошел по направлению к метро, не догадываясь, что в уютных закутках моего любимого азиатского ресторана меня поджидает змей-искуситель.

Фамилия «змея» была Костырко, но чуть ли не в первый день занятий он получил прозвище «Касторкин» да так и проходил с ним все шесть студенческих лет плюс год интернатуры. Даже некоторые преподаватели, оговариваясь, называли его по прозвищу. Касторкин не обижался – хоть горшком назови, только зачет поставь.

– О, какие люди!

Увидев меня, Касторкин привстал и отсалютовал палочками, в которых был зажат кусок мяса. Мясо улетело куда-то назад, но, кажется, ни в кого не попало. Во всяком случае, никто не возмутился.

– Присаживайся!

– Пьянствуешь в одиночку, Дима? – поинтересовался я, переводя взгляд с раскрасневшейся физиономии Касторкина на полупустой графин с водкой, стоящий на столе.

– Есть причина! – Касторкин горделиво приосанился. – В очередной раз раздумал жениться. Если свадьбы празднуют так помпезно, то антисвадьба тоже заслуживает внимания. Хотя бы небольшого. Разве не так?

– Так, – согласился я, садясь за стол.

После тоста за мужскую свободу я рассказал Касторкину о переменах в своей жизни.

– Давно пора! – одобрил он. – Я вообще удивлялся, чего ради ты прозябаешь в своей поликлинике?

– «Прозябаешь» – не тот глагол. Суетно, народу много – это да. Но зато на участке опыт зарабатывается, зарплата повыше, график более-менее свободный, и нет ночных дежурств. К тому же поликлиника рядом с домом. Ты представляешь, какой это кайф для москвича – пешком ходить на работу?

– Не представляю. – Касторкин жил в Сокольниках, а работал микропедиатром в перинатальном центре на юго-западе.

– И еще двенадцать дней к отпуску...

– Так чего же ты ушел?

– Заездили! – Желания вдаваться в подробности и переживать все заново у меня не было. Касторкин понял мое настроение и предложил:

– Давай выпьем за тебя! Чтобы у тебя все было хорошо!

Выпили за меня. Закусили острой свининой.

– А хочешь, я спротежирую тебя на работу? – прищурился Касторкин.

– К себе? – Я прикинул, чем бы я мог заняться в перинатальном центре. – В каком качестве?

– Не ко мне, а к моей матушке. В школу.

Мать Касторкина преподавала историю и любила свой предмет настолько, что непременно иллюстрировала примерами из прошлого любое событие – от убежавшего на плите молока до очередного «кризиса» в личной жизни сына.

– Охранником? – Мне показалось, что Касторкин издевается. Водилась за ним такая привычка. – Или преподавателем биологии?

Что еще мог я преподавать в школе? Да и биологию не мог бы, если честно. Но все же не совсем чуждый предмет, не то что математика.

– Врачом. Школьным врачом.

– Спасибо, не надо, – решительно отказался я. – Хрен на хрен менять – только время терять.

– Поликлиника здесь ни при чем. Это частная школа со своей маленькой медслужбой – врач и две медсестры. Подчиняешься директору, к поликлинике не имеешь никакого отношения. Но кабинет лицензированный, стаж будет идти врачебный, зарплата на уровне...

– На уровне – это сколько? – Знаю я эти уровни, чуть выше плинтуса.

Касторкин палочками нарисовал в воздухе цифру. Впечатляющую, надо сказать, цифру. Дай бог каждому.

– Что ж ты сам туда не пойдешь? – поддел я.

– Я уже так вложился в неонатологию, что не могу все бросить. К тому же у меня почти готов диссер, еще год – и я «остепенюсь». Но самое главное – мне хватает матушки и дома. Во как! – Палочки прочертили на воротнике рубашки Касторкина две параллельные линии. Коричневые на голубом. – Если мы будем еще и работать вместе – я повешусь.

– Школьный врач... – Цифра, нарисованная Касторкиным, не позволяла так вот сразу взять и отказаться. Но с другой стороны, в подобной роли я себя никогда не представлял. – А школа большая?

«Пантеон наук»

«Поставь себе цель и иди к ней, не сворачивая с пути».

«Настойчивость – залог успеха».

«Хороший план надо суметь хорошо реализовать».

«Каждый шаг приближает меня к цели».

«Вперед, победа близка как никогда».

Каждое утро я придумываю себе лозунг дня. Лозунг, который должен вдохновлять меня весь день, до того самого момента, когда я переберу в памяти сегодняшние события, отделив главное от второстепенного, составлю план действий на завтра и только тогда позволю себе закрыть глаза и заснуть. Правда, довольно часто я засыпаю без «разбора полетов» и начинаю новый день без лозунга.

Сегодня мой лозунг был таков: «Я могу все, что только захочу!» Коротко и со вкусом...

То, что это школа частная, заметно было сразу по непривычной приветливости охранников, по ухоженной территории: серо-голубая тротуарная плитка, идеально подстриженная трава, красиво оформленные цветники. Опять же название – «Пантеон наук». У обычных школ имен не бывает, только номер.

«Пантеон наук»! Можно подумать, здесь целый университет!

Школьное здание имело форму правильного пятиугольника, только в отличие от американского Пентагона этажей было четыре, да и размеры не те. Красный кирпич, вытянутые окна, плющ на стенах. Хорошая старая Англия, только вот башенок по углам не хватало.

Я машинально поправил галстук и толкнул тяжелую входную дверь. Еще один охранник, не просто приветливый, а очень приветливый, проводил меня до директорской приемной и «передал» высокой худой блондинке в огромных очках, которые делали ее похожей на стрекозу. Стрекоза заглянула в настольный ежедневник, посмотрела на высоченные напольные часы и, найдя, что все в порядке, распахнула передо мной дверь, ведущую в святая святых – директорский кабинет.

– Внешний вид, речь и манеры – вот на что она в первую очередь обращает внимание, – проинструктировала меня Тамара Ивановна, мать Касторкина и моя, так сказать, поручительница. – Никаких жаргонных слов, никакого «нуканья» и «эканья». И чтобы галстук с сорочкой подходили к костюму...

К серому костюму и белой сорочке я надел светло-серый галстук, кончик которого доходил ровно до середины ременной пряжки. Манжеты рубашки выступали из рукавов пиджака ровно на два сантиметра. Черный ремень, черный портфель и черные полуботинки – не «мужчинка, а картинка», как говаривала моя бывшая заведующая Полина Осиповна.

Около часа директор добросовестно изучала мою личность. Начала с биографии.

– Вам двадцать восемь лет и вы живете один? Могу ли я узнать – почему?

– Еще не встретил человека, с которым мне хотелось бы связать свою жизнь.

– Имейте в виду, что у нас не поощряются служебные романы, – нахмурилась директор и тут же поправилась: – Не столько романы, сколько какие-либо проявления личных отношений на работе. За пределами школы вы вольны делать все что вам угодно, но здесь отношения могут быть только рабочими!

Меня начали знакомить с правилами поведения в школе – значит, я понравился.

В жизни директор производила более приятное впечатление, нежели на «протокольной» фотографии, размещенной на сайте школы. Невысокая, худая, на вид – лет пятидесяти, коротко стриженные рыжие волосы, умные глаза, только вот нос великоват, и хищный он какой-то, словно орлиный клюв. И складка на переносице явственно свидетельствовала о том, что Эмилия Леонардовна часто хмурится.

От биографии директор перешла к документам. Внимательно изучила трудовую книжку, паспорт и диплом, а на прочие документы взглянула мельком.

– Вы живете по месту прописки, Сергей Юрьевич?

– Да.

– Довольно далеко от нашей школы. Другой конец Москвы...

– Зато прямая ветка, без пересадок. И без пробок.

– Да, пробки – это наш бич, – кивнула директриса. – А вы осознаете, Сергей Юрьевич, что раньше у вас были пациенты, а теперь будут клиенты? Разницу вы улавливаете?

– Улавливаю, – ответил я. – Клиент всегда прав.

– Можно сказать и так. Добавлю еще...

Смысл длинного директорского монолога можно было выразить одной фразой: «сор из избы не выносить, обо всех отступлений от правил докладывать мне». Я слушал, не забывая время от времени кивать и вставлять «да, конечно». Видимо, я произвел настолько хорошее впечатление, что директор сочла возможным поделиться со мной личным:

– Я сама хоть и педагог, но происхожу из старого врачебного рода. О моем прапра..., об одном из моих предков, Христиане Андреевиче Нордштреме, статском советнике, старший брат доктора Боткина отзывался как о самом дельном из всех докторов, каких он знал. Это было написано в письме к Ивану Сергеевичу Тургеневу!

Я уважительно покивал.

– В Юрмале у нас был собственный санаторий. «Мариенбад», первый санаторий на побережье... – Эмилия Леонардовна вздохнула и строго посмотрела на меня. – Вы были в Юрмале?

– Нет, – подпустив в голос сожаления, ответил я, и, чтобы не выглядеть пенек-пеньком, добавил: – В Литве и Эстонии побывал, а вот в Латвии не довелось.

– Юрмала – это сказка! – Эмилия Леонардовна на мгновение закатила глаза, но тут же спохватилась и вернулась к работе: – Что ж, Сергей Юрьевич, на первый взгляд вы производите хорошее впечатление, да и Тамара Ивановна рекомендует вас. Давайте попробуем... Пишите заявление.

Подписанное заявление я отдал Стрекозе, которую звали Мариной. Отчества Стрекоза не назвала.

– Для вас – просто Марина, – улыбнулась она. – Дайте ваши документы, а пока я буду вас оформлять, ознакомьтесь с трудовым договором, должностной инструкцией и правилами внутреннего распорядка.

Договор как договор – ничего особенного, а вот правила внутреннего распорядка, напечатанные мелким шрифтом на семи листах, местами умиляли, а местами вызывали улыбку.

«Каждому ребенку в гимназии «Пантеон наук» гарантируется защита его достоинства, защита от любых форм физического и психического насилия, оскорбления личности...» – это понятно, но добавление «все сотрудники лично предупреждены о недопустимости применения физических методов воздействия» – уже лишнее. Любой человек, тем более – педагог знает, что бить детей недопустимо, зачем предупреждать об этом отдельно? Так можно все статьи Уголовного кодекса по очереди перебрать.

Или вот: «каждый сотрудник гимназии «Пантеон наук» обязан принимать активное участие в организации условий для осуществления воспитательно-образовательного процесса». Как это понять? Если глубоко вникать – по этому пункту меня можно заставить красить стены...

А то, что каждый сотрудник гимназии «Пантеон наук» не только «обязан владеть собой в любой критической ситуации», смешило не меньше, чем «обязан позитивно реагировать на критику», вообще противоречило логике. Я как врач знаю, что «владеть собой в любой критической ситуации» может только памятник, а те, кто позитивно реагирует на критику («Ура!

Меня покриковали! Спасибо! Критикуйте меня еще!») или пропускают критику мимо ушей, или являются мазохистами. Все прочие люди на критику реагируют отрицательно.

Меня умилило, что я «обязан быть примером для окружающих не только в гимназии, но и за ее пределами, тщательно соблюдать этические нормы поведения и общения, неукоснительно помня о том, что по его (то есть – моему) поведению у посторонних может складываться впечатление о гимназии». Это правила внутреннего распорядка или как? Кому какое дело до того, что я делаю вне работы? И разве «участвовать в общественной жизни гимназии» – это обязанность? Я склонен думать, что это, скорее, право.

Ну как я должен «изучать жизненные условия ученика», да еще в частной школе? Напрашиваться в гости? Да меня просто пошлют! Просить поподробнее рассказать о своем доме? Так родители, чего доброго, заподозрят, что я наводчиком подрабатываю... И каким образом могу я «оказывать родителям содействие в организации воспитания и обучения ребенка в семье»? Кто это все писал?

Видимо, последний вопрос я произнес вслух, потому что Марина оторвалась на несколько секунд от экрана монитора и сказала:

– Эмилия Леонардовна вместе с нашим юристом.

– Очень подробные правила, – не без иронии сказал я. – Прочтешь и никаких вопросов не остается.

– Эмилия Леонардовна любит, чтобы все было разложено по полочкам...

Все это раскладывать – никаких полочек не хватит.

Закончив оформление документов, Марина достала из ящика стола маленький фотоаппарат, сфотографировала меня и через пару минут протянула мне бело-голубую пластиковую карту с логотипом гимназии.

– Поздравляю со вступлением в наш дружный коллектив! – прочувственно сказал она.

– Спасибо!

– Карта используется не только как пропуск. Ею можно отмечать обеды в столовой. Ой, совсем забыла, вам же надо банковскую карту открыть, чтобы вы могли получать зарплату!

– У меня есть карта Сбербанка.

– Не пойдет, мы перечисляем зарплату в «Хайдбанк». Я сейчас распечатаю договор, уже с вашими данными, и заявление с просьбой на перечисление зарплаты...

Первый день

Медицинский кабинет, расположенный на первом этаже, окнами во внутренний двор, я заценил сразу. Не кабинет, а мини-отделение. Приемная, то есть непосредственно сам кабинет, в котором мне полагалось вести прием, процедурная, палата временного пребывания на две койки, предназначенная для тех, кто ожидает госпитализации, и крошечная, метр на полтора, аптека, она же склад и архив медицинской документации. И санузел с душевой кабиной. Все белое, сияющее, только плитка на полу серая. Плитка подобрана с умом – даже если прольешь воду, не поскользнешься.

К кабинету прилагались две медсестры – Таня и Оля. Пока что я познакомился с Таней, бойкой тридцатилетней девушкой. Немного полноватой, немного курносой, немного суетливой, но в целом – вполне нормальной медсестрой. Уж что-что, а после нескольких лет работы в медсестрах начинаешь разбираться с первого взгляда. Толковая или дура, сноровистая или «тормоз», бегают стучать начальству или нет. Впрочем, стучат все, только кто-то время от времени, а кто-то по три раза в день.

В гимназии «Пантеон наук» «стучали» все, об этом меня уже предупредила мать Касторкина. А еще она рассказала, что между учредителями – директрисой и «первым» завучем Ниной Петровной существует определенная конфронтация, раскалывающая школу на два враждующих лагеря.

– Ты, Сережа, в эти дрызги не лезь и ничью сторону не поддерживай, – посоветовала она. – Ты врач, твое дело – медицину обеспечивать.

Сама Тамара Ивановна, как я понял, была из «директорских».

– Не буду, – пообещал я. – Спасибо, что предупредили.

Ввести меня в курс дела директор поручила Тане. Таня показала мне, где что лежит, а потом спросила:

– Вы знаете, за что уволили доктора Борзовскую, которая работала до вас?

– Оборзела она, наверное, – пошутил я.

– Нет, – улыбнулась Таня. – Она была такая тихоня, но однажды ошиблась и вызвала второкласснику с подозрением на перелом обычную «скорую». А он был застрахован на платную. Классный руководитель тоже чего-то «затупила», и в результате обычная «скорая» повезла мальчика в обычную больницу. В сопровождении педагога, как полагается, но в обычную больницу, а не туда, куда ему было положено по страховке. Мама так бесновалась в директорском кабинете, что чуть всю мебель не перебила. Борзовскую сразу и выперли. Поэтому не забывайте заглядывать в карточки учеников, там помимо всего прочего есть данные о ДМС (добровольное медицинское страхование). Карточки мы с Ольгой ведем аккуратно, заносим все, что полагается. Ваше дело только не забыть посмотреть.

– А что, здесь учатся и такие, к кому вызывают обычную «скорую»? – удивился я.

– Таких у нас процентов тридцать, доктор. Это те, чьи родители на образование кое-как наскребли, а на остальное им не хватает. Некоторые дети даже на метро ездят.

– Я тоже на метро езжу.

– Нам с вами можно, потому что мы – обычные люди, – рассмеялась Таня.

– Про «скорую» я понял, а на что еще в первую очередь нужно обратить внимание?

– Ну, про то, что нельзя есть нигде, кроме столовой, вы уже знаете?

– Знаю, читал в «Правилах».

– К чаю и кофе это тоже относится. Как видите, у нас даже чайника нет. И в учительской тоже нет. Хочешь чаю – иди в столовую... Боже вас упаси принести тайком кипятильник или чайник и пить чай в кабинете...

«Мне тогда придется рассказать об этом директору», – читалось в кривых глазах Тани.

– Бутылку с обычной водой хоть можно? – поинтересовался я.
– Холодные напитки можно, только на столе не держите, а в ящик убирайте. А еще у нас всем ученикам надо говорить «вы»...

– Это я помню.

– Помните – не помните, а все поначалу на «ты» сбиваются. Потом привыкают, конечно. А вы курите?

– Нет.

– Это хорошо, потому что за курение на территории у нас сразу увольняют. «Пантеон наук» – территория здорового образа жизни.

– А дни рождения сотрудников и прочие праздники вы отмечаете? – В поликлинике редкая неделя обходилась без застолья, а то и без двух. – Или за это тоже увольняют?

– Чаепитие с тортом можно, шампанское – уже нет.

– Мрачновато, – оценил я.

– Всегда можно найти выход. Наши обычно после работы идут в ресторан «Старина Фридрих», около метро. Там цены демократичные, и постоянным клиентам разрешают со своим спиртным приходиться...

Инструктаж с перерывами на пустопорожнюю болтовню длился около двух часов. Потом позвонила Марина и пригласила меня в актовЫй зал – знакомиться с коллективом.

Я немного удивился, что ради моего представления всех сотрудников гимназии собирают в актовом зале, но оказалось, что собрание проводилось по поводу нового учебного года, до которого оставалось два дня. Ну, заодно и меня «приплели».

Представляла меня директор. Пригласила выйти на сцену, где заседал «президиум» из семи человек – двух мужчин и пяти женщин, и объявила:

– Прошу любить и жаловать – наш новый врач Сергей Юрьевич Коновалов.

Зал дружно заулыбался.

Я уже привык к подобной реакции. Действительно смешно – доктор по фамилии Коновалов. Это как повар Похлебкин или подполковник Солдатов – сразу же возникают веселые ассоциации. А вот знакомый архитектор по фамилии Шприц никакого веселья при знакомстве не вызывает. Ну – архитектор, ну – Шприц, что тут такого? А был бы он врачом, смеялись бы над ним куда больше, чем надо мной... Ладно, доктор Коновалов еще ничего, это вам не доктор Вагина, в фамилии которой все коллеги машинально делают ударение на второй слог.

– Расскажите вкратце о себе, Сергей Юрьевич, – попросила Эмилия Леонардовна.

– Родился, учился и живу в Москве. – Вкратце, так вкратце. – После ординатуры работал в детской поликлинике, теперь пришел к вам.

– Из поликлиники почему ушли? – поинтересовался наголо стриженный мордатый мужик из «президиума».

– Захотелось сменить работу, да и по участку бегать быстро надоедает.

Примерно теми же словами я объяснил причину своего увольнения директору.

– А детей вы любите? – выкрикнул кто-то из зала.

– Дурацкий вопрос! – возмутилась Эмилия Леонардовна. – Спрашивать у педиатра, любит ли он детей, это все равно, что спрашивать у садовника, любит ли он цветы?

– Это все равно, что спрашивать у учителя – любит ли он детей! – сказал мордатый.

– Да, Вячеслав Андреевич, вы правы, – согласилась директор. – Я почему-то сразу подумала о садовнике, а можно было привести пример с педагогом. Это ближе к делу. Ну что, умные вопросы есть или Сергей Юрьевич может вернуться на свое место?

– А вы женаты? – спросили из зала.

– Можете не отвечать на этот вопрос, – снова встряла Эмилия Леонардовна и погрозила кому-то в зале пальцем.

– Почему же, я отвечаю. Я холост, живу один, в ближайшее время жениться не планирую.

– Спасибо, Сергей Юрьевич! Можете садиться.

Я сел на свободное место в первом ряду и принялся рассматривать сидящих на сцене. Их имена и должности были известны мне по списку телефонных номеров, висевшему у меня в кабинете. Мордатого звали Вячеславом Андреевичем, значит он – Наливайко, заместитель по безопасности. Тогда второй мужчина – седой и в очках – завхоз Калина. Теперь женщины... С женщинами было сложнее – только «первого» завуча Чучалину я опознал сразу по высокомерному выражению красивого лица с небольшими чертами. Оставшиеся три дамы были: заместителем директора по воспитательной работе Богомоловой, заместителем директора по иностранным языкам Сабировой и завучем начальной школы Паниной. И пойдя разбери, кто из них кто, впрочем, нет – Сабировой, скорее всего, должна быть маленькая скуластая брюнетка, явно с восточными корнями. А вот кто из двух оставшихся Богомолова, а кто Панина – не угадаешь. Одна – полная грудастая блондинка, с приветливой улыбкой на лице, а другая тоже полная, но не столь роскошная бюстом, шатенка с волосами, собранными в пучок. Подумав еще немного, я определил грудастую блондинку в завучи по начальной школе, основываясь в своих заключениях на приветливом выражении ее лица. Шатенка с пучком методом исключения стала Богомоловой.

Увы, подобно доктору Ватсону, я ошибся три раза.

Грудастая блондинка оказалась Сабировой, шатенка – Паниной, а маленькая брюнетка – Богомоловой. Ладно, хоть «первого» завуча правильно угадал, и то хлеб.

Я ожидал, что будет много речей (какое же собрание без речей?), но ошибся и тут. Все проходило по-деловому. Сотрудники выходили, говорили, что, в общем, у них все готово, но есть кое-какие проблемы, и директор сразу решала, кому эту проблему следует устранить. Спокойствие нарушилось, только когда речь зашла о поставщике питьевой воды.

– Анатолий Николаевич, я же просила вас подыскать нового поставщика! – напомнила директор. – Почему вы этого до сих пор не сделали?

Завхоз встрепнулся и заканючил:

– Ну разве это дело, Эмилия Леонардовна, из-за одной мелкой оплошности рвать отношения с фирмой, которая работает с нами уже пять лет! Ну подумаешь, привезли один раз воду в грязной бутылке, так мы же ее вернули...

– Анатолий Николаевич! – Директор повысила голос. – Я решаю, с кем мы будем работать, а с кем – нет! Почему вы не выполнили мое распоряжение?

Зам по безопасности поднял правую руку и словно невзначай потер большим пальцем об указательный. Завхоз, увидев это, покраснел и громко сказал:

– А вас, Вячеслав Андреевич, я попросил бы не намекать...

– Я же молчу, – разыграл удивление Наливайко.

– Молчите, а руками показываете непотребное! Привыкли по жизни во всем злой умысел искать!

– Привык, – многозначительно произнес Наливайко.

– Да не слушайте вы его, Эмилия Леонардовна! – взмолился завхоз. – Он вам нашепчет! Я искал других поставщиков, но ни с кем не смог выйти на ту же цену! И грязные бутылки у всех могут попасться! Один-то раз в пять лет! А если вы мне не верите, то передайте воду Наливайке, пусть хоть что-то полезное делает. Тогда я буду сидеть и пальцы вот так потирать...

Собрание определенно начинало мне нравиться. Еще немного – и подерутся.

Однако до драки не дошло, директор умела мгновенно гасить скандалы.

– Значит так, Анатолий Николаевич, или через неделю мы будем получать воду от другого поставщика по той же цене, или у меня будет новый зам по АХЧ. Если люди отгружают клиентам воду в грязных бутылках, то у меня нет к ним доверия как к поставщикам. Может, они вообще эти бутылки не моют. А вы, Вячеслав Андреевич, кажется, забыли ваш главный принцип: «предъявляешь – обоснуй».

– Так я ж ничего не предъявляю, – насупился Наливайко. – Просто палец почесал.

– Сделайте одолжение, чешите ваши пальцы под столом! Пойдем дальше – что у нас по кухне?

Обеды в гимназии были не привозными, а собственного приготовления. Желающие из числа сотрудников могли обедать в школьной столовой за дополнительную плату. Обед из трех блюд плюс чай или кофе стоил восемьдесят рублей. Очень даже ничего, правда, надо оценить размеры порций.

Главным по кухне неожиданно оказался худощавый паренек примерно моего возраста. Привычка держать голову слегка набок придавала ему вальяжный вид.

Доклад его, точнее, перечисление кухонных проблем оказалось самым длинным. Прошло уже десять минут (я засек по часам), а он все говорил, говорил и говорил. Про мойки, про протечку, про то, что один из холодильников никуда не годится... Эмилия Леонардовна дала ему выговориться, а потом обернулась к завхозу и распорядилась:

– Займитесь.

– В первый раз, что ли? – довольно громко пробурчал завхоз. – Приду, а там все в порядке... Юра вечно сгущает краски.

С Юрой мне предстояло сегодня-завтра познакомиться поближе, ведь в мои обязанности входило снимать пробу пищи.

После собрания я попросил Таню устроить мне обзорную экскурсию по гимназии. Таня добросовестно провела меня по всем четырем этажам, показала кабинеты, кухню и примыкающую к ней столовую, большой и малый спортивные залы, танцевальный зал, скульптурную мастерскую...

– Нам вообще-то по статусу положен бассейн, – сказала она, – но его не предусмотрели. Так и живем без бассейна.

Я представил, чем грозит школьному доктору наличие бассейна – контроль за водой, контроль за санитарным состоянием помещений, оказание помощи утопающим... Бр-р-р! Как хорошо, что бассейна нет.

На обратном пути я хотел зайти на кухню, но, услышав из-за закрытой двери характерный хриловатый бас завхоза, решил перенести знакомство на завтра. Все равно до первого сентября мне практически нечего делать.

Низкий порог возбудимости

На следующий день я принес на работу толстенное «Руководство по анестезиологии и реаниматологии» и несколько последних номеров журнала «Педиатрия». С руководством в руках я два часа просидел над «реанимационным» чемоданом, предназначенным для оказания экстренной медицинской помощи. Журналы, уже изученные от корки до корки, выложил стопкой на столе – оформил, так сказать, интерьер. Надо же производить впечатление просвещенного доктора, тем более что я таковым и являюсь.

Закончив дела в кабинете, я отправился на кухню, предварительно выяснив у Тани, что должность Юры официально называется все же не «шеф-повар», а «заведующий пищеблоком» и что к нему лучше обращаться по имени-отчеству – Юрий Николаевич.

– С поварами нужно дружить, – напутствовала меня Таня. – Тогда вам от курицы всегда будут доставаться окорочка, а не крылышки.

Веская мотивация, ничего не скажешь.

Юрия Николаевича я нашел в столовой, он стоял у окна с блокнотом в правой руке и ручкой в левой. Левша, значит.

– Как вам это нравится? – не здороваясь, спросил он. – Первого сентября будет банкет, а сколько будет персон, я только узнал часа за четыре до банкета. Народ не может определиться, а я должен ломать голову!

– Готовьте по максимуму, – предложил я. – А то, что останется, съедите сами.

– И заплачу за все тоже сам! Надо мне! Вы не представляете, как Эмилия Леонардовна проверяет наши расходы! У нее просто в голове не укладывается, что повар может не воровать...

Признаться честно – я тоже так думал. Благодаря бабушке по материнской линии.

– Моя бабушка была поваром, – сказал я. – Она то и дело повторяла, что у реки не умрешь от жажды, а у плиты – с голода.

– Бабушка, значит. – Взгляд Юрия Николаевича потеплел. – Значит, вы в некотором роде сопричастны...

– Я еще и готовить умею. – Я действительно умею готовить, как большинство одиноких людей, которым готовить просто некому. – Хоть оладьи, хоть плов по-самаркандски...

– По-самаркандски? – оживился Юрий Николаевич. – Интересно! Это с айвой?

– Нет, это когда не перемешиваешь...

– Вот как! Не перемешивать! А разве не пригорит? Да, пойдемте ко мне, что мы тут стоим?

– Может, сначала познакомимся? – предложил я, протягивая руку. – Сергей Юрьевич.

– Давай без церемоний. Юра!

Мы пожали друг другу руки. Рукопожатие Юры, несмотря на внешнюю субтильность, было крепким.

Через кухню, примыкающую к столовой, Юра провел меня в свой «кабинет» – небольшое помещение, почти полностью занятое письменным столом и двумя стульями. Вру – была здесь еще мебель – над столом висели две полки, уставленные папками-скоросшивателями.

Юра вошел первым, и только после того, как он уселся за стол, я смог войти внутрь и занять на свободный стул.

– Извини, ничем не могу сейчас угостить. – Юра развел руками в той мере, в какой это позволяло свободное пространство. – Приходи первого сентября... Надеюсь, тебе понравится. Если, конечно, ты не фанат каких-либо мудреных диет.

– Не фанат, – улыбнулся я.

– Ну да, ты же любишь плов, – вспомнил Юра. – Так как там делают в Самарканде?

С четверть часа мы говорили о пловах и почувствовали друг в друге родственную душу.

– Я ведь такой же кулинар-любитель, как и ты, – сказал Юра.

– Не сравнивай, – поскромничал я, – ты все же профессионал.

– Угадай, какой институт я окончил?

– Ну, если работаешь в гимназии, то педагогический, – пошутил я и... угадал.

– Верно, исторический факультет. Тебе уже кто-то рассказал?

– Нет, просто ляпнул наугад и попал. А как тебя в повара занесло?

– Жизнь привела. Готовить мне всегда нравилось, а когда окончил институт, возникли некоторые проблемы с трудоустройством. Куда хотел – не брали, куда брали – я не хотел. Подруга матери рассказала, что в компании, где она работает, открывается детский ресторан и туда требуется администратор без опыта работы в системе. Неиспорченный, так сказать. Я подумал – почему бы и нет? – и пошел на собеседование. В итоге – отправился на двухмесячные курсы поваров. Правда, с первого места работы через год пришлось уйти.

– Почему?

– Пошли крупные трения с хозяйкой и теткой, которая руководила рестораном. Они раскручивали банкеты, а я считал, что надо делать упор на повседневных посетителей, тем более что ресторан находился в торговом центре. Согласись, если моя зарплата зависит от выручки, то я могу высказывать собственное мнение?

– Можешь, – подтвердил я.

– А они считали, что мое дело – обеспечивать меню. Но ушел я вовремя, потому что вскоре ресторан погорел. Специально нашел себе место, где можно не заморачиваться выручкой.

– Доволен?

– Доволен.

– Надоест – перейдешь в педагоги, – пошутил я.

– Здесь?! – вытаращился Юра. – В этом серпентарии? Да ни за какие коврижки! Это ты еще местной жизни не видел во всей ее красе. У меня вообще порог возбудимости низкий, мне так, как местным педагогам, волноваться нельзя. Поубиваю всех нахрен!

– Ну, производственные конфликты есть везде...

– Конфликт конфликту рознь! Еще имеет значение частота этих конфликтов и их последствия. Я не морковь, чтобы меня грызли с двух сторон! Погоди, сам увидишь. Тебя как врача эти дразги вплотную касаться не будут, но последствиями заняться придется – давление мерить да корвалолом угощать. Так что очень скоро начнешь входить в курс.

Мне было не совсем понятно – что могут делить педагоги в частной школе, да еще у директора, которая все раскладывает по полочкам. Если все обязанности вместе с правами строго регламентированы, зарплаты высоки, иначе говоря – есть что терять, то какие могут быть поводы? Неужели противостояние двух учредителей так сильно сказывается на коллективе?

Когда я озвучил свои мысли, Юра рассмеялся и покровительственно похлопал меня по плечу.

– У тебя идеалистические представления о гимназиях, – отсмеявшись, сказал он. – Помню, и я, впервые посетив лицей, в котором проходила практику моя однокурсница, ожидал увидеть там нечто особенное, но первая же тройка семиклассников сбила меня с лестницы. Хорошо, хоть без переломов обошлось. А если серьезно, то Эмилия обожает стравливать подчиненных. Она считает, что это приносит в учительскую среду здоровый дух конкуренции и не дает им объединиться против администрации. Вдобавок Эмилия и Нина находятся в контрах, что не может сказаться на атмосфере. Вот ты знаешь, почему в России такой бардак?

– Много причин, – замялся я, озадаченный неожиданным вопросом.

– Да потому что на гербе нашем – двуглавый орел и головы смотрят в стороны! Герб – это сакральный знак, недаром в геральдике существует так много всяческих правил. И этот сакральный знак определяет все. У нас – та же самая ситуация. Эмилия смотрит вправо, Нина – влево. Или наоборот, это дела не меняет. Я вообще удивляюсь, как они не перегрызлись на стадии создания гимназии! И про учеников не забывай!

– А что с учениками?

– Это отдельная песня. Мне довелось побывать на практике в разных школах, среди которых встречались и откровенно маргинальные, но в любой из школ я находил общий язык с учениками. Здесь же я бы не смог «держать» класс. Да это двум третям педагогов не удастся. Вот как начнутся занятия, пройдишь по коридору во время урока, и все тебе станет ясно. В некоторых классах только на головах не ходят... А десятиклассники могут спокойно предложить учительнице заняться сексом...

– Да ну?!

– Не веришь – спроси хотя бы у Дитятковой. Ей в апреле подобное предложение было сделано прилюдно, на уроке. Один из главных дебилов встал и сказал: «I want to fuck you like an animal» (известная фраза из песни «Closer» американской рок-группы «Nine Inch Nails», в переводе означающая: «Я хочу трахнуть тебя, как животное»). Ты уже познакомился с Дитятковой?

– Нет.

– Ну, она такая... Ее сразу хочется. Но это же не значит, что можно так поступать. Мне в школе тоже нравилась наша учительница географии, но я пытался оказывать ей знаки внимания тайно...

– А что было дальше? – перебил я. – После того, как...

– Что могло быть дальше? Дитяткова получила предупреждение от администрации.

– За что?

– За то, что одевается слишком вызывающе и не пользуется авторитетом у учеников.

– А тому, кто сказал, что-то было?

– Нет, сообщили родителям, так сказать – в порядке информации, но мер никаких не приняли. А какие вообще могут быть меры? Исключить? Так это, извините меня, означает денег лишиться. В старших классах месяц обучения стоит тридцать шесть тысяч, и это не считая дополнительных трат, которых меньше чем на десятку не набегает. Как Эмилия может позволить себе исключать учеников? Гимназия хоть и популярная, раскрученная, но свободные места есть всегда. Поэтому учеников вообще никак не наказывают – могут только попросить делать то и не делать этого. Могут родителям сообщить, только очень мягко и осторожно, чтобы не дай бог не обиделись. Например, если ученик начинает во время перемены по голубям из пневматики стрелять, да заодно охраннику в мягкое место пульку всадит, то это называется – «шалил на перемене». Ты это учти в своей работе!

– Учту, – пообещал я и решил прямо сегодня же навестить справки у матери Касторкина.

Честно говоря, мне казалось, что Юра, желая произвести на меня впечатление, немного преувеличивает. Или даже – привирает. К тому же у меня был повод для встречи с Тamarой Ивановной – я до сих пор не поблагодарил ее за содействие в трудоустройстве как положено – с цветами, вином и конфетами.

– Ты будешь приходить снимать пробу, или тебе просто журнал на подпись отправлять? – спросил Юра, когда я собрался идти к себе.

– Буду приходить, конечно. – Начинать работу с откровенного пренебрежения должностными обязанностями мне не хотелось.

– Только учти, что проба у нас делается по правилам, – предупредил Юра. – Пробуешь по ложке от каждого блюда, а не ешь тарелками. Хотя с учетом того, что у нас готовится по три

вида первого и второго, а салатов обычно не менее пяти, то, пробуя по ложке, можно наесться. Тебе, кстати, карточку выдали?

– Сразу по оформлении.

– Без карточки обедать нельзя – нечем отмечать. Если забыл – ходи голодный, отметить завтра два раза не получится. И от руки в систему ничего внести нельзя – только карточкой. Приложил – обед засчитался. У нас был один фрукт, математику преподавал, так тот знаешь что придумал? Вырезал кусок по размеру карточки из какого-то прозрачного материала, который импульс не проводит, и прикладывал карточку через него. Внешне все пристойно – отмечился человек, а терминал карту не считал. И так месяца два, пока Эмилия не сообразила, что в столовой она его видит ежедневно, а по компу обеды не проходят. На следующий день он уже у нас не работал. Смешно было при его зарплате экономить полторы тысячи в месяц на обедах.

– Да и глупо, – добавил я, – коллектив небольшой, рано или поздно заметили бы.

– Людская наивность порой поражает...

Я вернулся к себе вовремя – не прошло и минуты, как ко мне пришел гость – невысокий, крепкого телосложения блондин с глазами пронзительный синевы.

– Денисевич! – отрекомендовался он. – Преподаватель айкидо.

– Коновалов! – представился я. – В миру – Сергей Юрьевич.

– Так мы тезки – я тоже Сергей, только Александрович!

Как и полагается, ладонь у преподавателя айкидо была твердой, словно камень.

– Я сегодня первый день как вышел. Узнал, что у нас новый врач, – пришел знакомиться.

Несколько минут ушло на традиционные расспросы – не надоело ли работать врачом, нравится ли в гимназии и как вообще жизнь. Затем Данисевич перешел к цели своего визита:

– Я работаю, можно сказать, сдельно – получаю пятнадцать процентов от того, что платят ученики. Поэтому, сами понимаете, чем больше учеников, тем мне лучше...

Это я понимал, а вот куда клонит Денисевич, не понимал совершенно.

– ...У меня, кстати, тоже медицинское образование – семнадцатое медучилище знаете, на Милашенкова?

– Слышал о таком, – вежливо ответил я, не знакомый ни с одним из медицинских училищ.

– Я – фельдшер. Три года на «скорой» отпахал, а потом решил серьезно заняться айкидо. Поэтому к ученикам я подхожу не только со спортивных, но и с медицинских позиций. Нагружаю посильно, слежу, чтобы не надорвались, в общем – стараюсь, чтобы все было хорошо. Когда клиентам хорошо, то и мне хорошо, верно?

– Верно, – согласился я, все еще не догадываясь, чего от меня надо преподавателю айкидо.

– А у нас в гимназии система такая – в айкидо как в «боевую» секцию, прием идет только через врача...

Тайное мгновенно стало явным.

– ...а ваша предшественница очень вредничала. То пролапс митрального клапана у кого-то выслушает, то опорно-двигательный аппарат ее не устроит, а одному так вообще – из-за зрения заниматься не разрешила. Ну зрение-то тут при чем? Вот я и прошу – отправляйте ко мне всех желающих. Я все равно их карточки читаю и прекрасно представляю, кого можно физически совершенствовать, а кого – духовно.

– А как вы совершенствуете духовно? – полюбопытствовал я.

– Знакомлю с философией айкидо. Концепция Пустоты, верность жизненному пути, учу отличать малое от великого, важное от неважного... Вы буддизмом или даосизмом увлекаетесь?

– Нет, как-то не пришлось.

– Плохо, – искренне огорчился Денисевич. – Тогда вы меня не поймете... Ну так что – мы договорились?

– Условно, – улыбнулся я. – С явным пороком сердца или, скажем, с выраженным сколиозом я на айкидо не направлю. Но сильно придираюсь к физическому состоянию не стану. Все по уму.

– Про пороки и речи нет, – просиял Денисевич. – Правильно вы сказали – все должно быть по уму. Кстати, если захотите – я еще со взрослыми занятия провожу. Индивидуально или в маленьких группах.

В восьмом классе я хотел заниматься карате. Посетил два занятия, впечатлений хватило на всю оставшуюся жизнь. Так же, как и понимания того, что боевые искусства – это не мое. Вот шахматы – другое дело. Хвастать не буду, но не всякий кандидат в мастера против меня выстоит – разделаю как бог черепаху...

Вечер я, как и намеревался, провел в гостях у Тамары Ивановны. Пил чай, закусывал домашним печеньем и задавал вопросы.

Оказалось, что Юра ничего не приукрасил.

– Я не придаю этому большого значения, – призналась Тамара Ивановна. – Просто наблюдаю со стороны и посмеиваюсь втихаря. Меня никто не трогает, знают, что чуть что – я уйду. Пенсии мне на жизнь вполне хватит, да и Димочка поможет, если понадобится...

Первое сентября

– Здравствуй, школа! – сказал я, проснувшись задолго до того, как зазвенел будильник. Я слегка волновался, как-никак – новая работа. Введение в специальность закончилось – впереди суровые будни.

В голове почему-то завертелась несуществующая пластинка со «Школьным вальсом». Причем с середины:

...Для нас всегда открыта в школе дверь,
Прощаться с ней не надо торопиться,
Но как забыть звончей звонка капель
И девочку, которой нёс портфель.
Пусть потом ничто не повторится,
Для нас всегда открыта в школе дверь...¹

Девочку, чей портфель я самоотверженно протаскал два года, забыть невозможно при всем желании – она чуть ли не каждый день ведет новости на одном из центральных каналов. Этим летом я встретил ее на ВВЦ, она там каталась на велосипеде. На меня даже не взглянула, и правильно – когда управляешь транспортным средством, пусть даже и без мотора, лучше смотреть на дорогу, а не по сторонам.

Иногда, коротая ненастный вечер за бокалом вина, я люблю помечтать о том, как бы у нас с ней могло сложиться, если бы я... Впрочем, пора бежать в школу, то есть – в гимназию. Не хватало еще опоздать на работу в такой торжественный день.

Не опоздал – пришел вовремя, переоделся и сел за свой стол. Картина маслом – «Добрый доктор ждет своих пациентов». На торжественное мероприятие во дворе школы я не пошел, так как по инструкции покидать свой кабинет должен был только по делу. Так что пришлось ограничиться наблюдением из окна.

Собственно, чего там наблюдать – дети и родители выстроились буквой «П», шеренга учителей замыкала «П» в каре, на трибуну, чередуясь, выходили дети и учителя. Дети говорили о том, как они хотят учиться (по мордашкам было видно, что все врал), а учителя признавались, как они счастливы, что начинается новый учебный год (некоторые врал, очень даже искренне и убедительно). Ничего интересного, все как всегда.

– Наша сладкая парочка уже успела поцапаться, – сказала Таня.

– Что за сладкая парочка?

– Никишова и Мартыненко, две наши звезды. Они и так друг друга терпеть не могли, несмотря на то, что на деле делить им нечего – одна русский преподает, другая – математику с физикой, а в мае чуть ли не передрались за классное руководство в пятом «А».

Таня замолчала и снова уставилась в окно.

– Нельзя ли поподробней? – попросил я. С детства не терплю рассказов, оборванных на середине. Да и кто их любит?

– Ой, простите, Сергей Юрьевич, – смутилась Таня. – Когда дети переходят из начальной школы в старшую, у них меняется классный руководитель. Традиционно, кому какая буква досталась, тот ту и ведет. Выпустил одиннадцатый «А» – принимай пятый «А». Типа традиция такая, чтобы учителя себе классы не выбирали, а то начнется – «этот я не возьму, там одни придурки, дайте мне лучше другой». Всем же все равно не угодишь, а когда есть какая-то система, то никому не обидно. А в этом году Никишова, которой полагалось брать пятый

¹ Автор слов – А. А. Дидуров.

«В», захотела взять пятый «А», потому что там учится сын большого чина из Генштаба. Сыну Светланы Семеновны шестнадцать лет – армия на носу, вот она и загорелась таким каналом обзавестись. Классный руководитель ребенка – это же не совсем чужой человек...

– Не чужой, – согласился я.

– Эмилия Леонардовна сначала не согласилась, но потом немного уступила. Сказала: «Договаривайтесь сами между собой». А Мартыненко уперлась и меняться не согласилась. Сказала, что нечего создавать прецедент и вообще обращаться к клиентам с личными просьбами неэтично.

– Тут она права.

– Эмилия Леонардовна, наверное, тоже так считала, но Никишова так ее умоляла, и потом она у нас одна из самых лучших и самых сознательных педагогов. Зимой, когда грипп народ валит, Светлана Семеновна замещает всех кого только может, пока сама не свалится. И еще она экскурсии берется водить, а многие наотрез отказываются.

– Почему?

– Ответственность большая. Одно дело, когда дети в школе, и совсем другое, когда они на воле. Мало ли чего... В общем, так и не удалось договориться. А сегодня утром в учительской Светлана Семеновна начала выступать, она это умеет, вроде бы ни к кому не обращается, но всем все ясно, Мартыненко ей ответила, и понеслось... Я мимо шла, слышала, как они друг на друга орали. Сейчас как сойдутся на первой перемене, так продолжат. Еще и к нам прибегут – давление мерить...

Тот, кто знает жизнь, ошибается редко. После второго урока явилась Никишова.

– Светлана Семеновна, – представилась она с порога. – Я, доктор, гипертоник, и чувствую, что мое давление не просто подскочило, а зашкаливает. Можно по-быстрому померить и таблетку дать, а то сейчас звонок будет?

Я померил давление, оказавшееся не таким уж и высоким (всего сто восемьдесят на сто, при норме сто пятьдесят–сто шестьдесят на девяносто). Таблетку капотена все же дал, но предупредил, что надо выпить половинку, чтобы давление резко не снизилось.

– Не упадет оно у меня, не беспокойтесь, – заверила Светлана Семеновна, отправляя таблетку под язык. – Пока по нашей школе ходят такие сволочи, как... некоторые, мое давление упасть не может...

Работа закипела – следом пришел первоклассник, у которого закружилась голова, за ним – семиклассник, упавший на перемене и ударившийся головой о стену (никаких признаков сотрясения головного мозга я у не нашел), потом – третьеклассница, которую тошнило... В начале первого я сходил на кухню и добросовестно снял пробу со всех блюд, в том числе и с морковных котлет, приготовленных на пару, которых до этого никогда не пробовал. Признаюсь честно – есть подобную дрянь можно только по долгу службы.

– Что поделать, – сказал Юра, заметив гримасу отвращения на моем лице. – Один из наших обедов – первое, второе, третье – должен быть полностью вегетарианским.

– Разве бывают дети-вегетарианцы? – удивился я.

– Еще сколько! – ответил удивлением на удивление Юра. – Неужели в практике не попадалось?

– Поверишь – ни одного. Вот объевшихся гамбургерами до колик в животе было сколько угодно.

– Когда я слышу слово «гамбургер», я хватаюсь за свой поварской нож! – пошутил Юра. – Если не наелся, то после половины второго приходи обедать. Раньше половины второго сотрудников кормить нельзя.

– Приду, – пообещал я.

– Я прослежу, чтобы остались морковные котлеты! – пообещал заботливый повар.

В коридоре меня перехватила Марина, по случаю праздника надевшая блузку с каким-то немислимым количеством кружев.

– Вас срочно хочет видеть Эмилия Леонардовна, – выдохнула она, словно невзначай касаясь меня рукой. – Пойдемте же! Я звонила вам в кабинет...

– Я ходил снимать пробу.

– Хорошо, хорошо, пойдемте же! Эмилия Леонардовна не любит ждать!

За время работы в поликлинике у меня выработался стойкий рефлекс: срочный вызов к начальству – это не к добру. Или получишь по ушам за какие-нибудь грехи (бывает, что и за чужие), или получишь «в довесок» соседний (а то и не соседний) участок. Приятного ждать нечего.

Увеличить мою нагрузку в гимназии невозможно. Заменить заболевшего преподавателя биологии или химии я не могу. Значит – меня ждет «клизма». Только вот за что? Я же еще не успел ничего натворить. Не опаздывал, добросовестно осматривал всех, кто ко мне обращался, пробу на кухне снял вовремя и без напоминаний. Дети, которые у меня побывали, получили все необходимые рекомендации, в госпитализации никто не нуждался. Я машинально провел рукой по подбородку, проверяя, уж не забыл ли я побриться? Нет, все нормально, брился я утром. Что же могло случиться?

Директор встретила меня нелюбезно, чем подкрепила мои опасения.

– Одну минуту! – строго сказала она, не предложив мне ни проходить, ни садиться.

Что ж – пришлось топтаться на пороге. Идиотская ситуация, ненавижу.

– Сергей Юрьевич! – Металл и лед – больше ничего не было в голосе директора. – Вы сегодня осматривали Гарькина из седьмого «а»?

– Осматривал.

Гарькин – это семиклассник, упавший на перемене.

– Почему Гарькин не был госпитализирован?

У меня отлегло от сердца. Все ясно – кто-то из педагогов переврал информацию и «утяжелил» состояние мальчика.

– Видите ли, Эмилия Леонардовна, – набрав в грудь побольше воздуха, начал я, – ученик Гарькин был досконально осмотрен мною и с учетом обстоятельств падения...

– Сергей Юрьевич! – Металла в директорском голосе стало меньше, а льда прибавилось. – Я задала вам вопрос: «Почему Гарькин не был госпитализирован?» Потрудитесь отвечать по существу!

– Гарькин не был госпитализирован, потому что для госпитализации не было показаний.

– Кто так решил?

– Я.

– А вы можете дать гарантию, что у Гарькина не разовьются никакие осложнения?

– Могу, потому что нет первопричины, которая может вызвать осложнения. Если вы, Эмилия Леонардовна, имеете в виду сотрясение головного мозга.

– Именно это я и имею в виду. Скажите, а почему вы так уверены, что сотрясения не было?

– По данным осмотра...

– Да перестаньте вы тыкать мне в нос этим вашим осмотром! – взъярилась Эмилия Леонардовна. – Можно подумать, что вы можете видеть, что творится в голове после падения! Вы же не делали никаких специальных исследований! Ни рентгена, ни УЗИ, ни... что там еще делают? Как называется этот прибор, в которой помощники доктора Хауса постоянно загружают пациентов?

– Томограф.

– Да-да, томограф. Томографию вы тоже не делали! Так как же вы можете судить о том, было у Гарькина сотрясение головного мозга или нет?

– Ну, существуют определенные симптомы, такие как...

– Существуют определенные правила! И одно из них гласит, что дети с сотрясением головного мозга должны передаваться под наблюдение специалистов и обследоваться в полном объеме! А вдруг у него разовьется субарахноидальное кровоизлияние?!

– Субарахноидальное кровоизлияние...

– Хорошо, что вы хотя бы знаете, как это называется! Вы можете дать гарантию, что ничего такого не произойдет?!

– В данном случае могу! – Я начал выходить из себя, но пока еще сдерживался. – Удар головой о стену был настолько незначительным по силе, что ни о каких последствиях речи быть не может!

– Напрасно вы так самонадеянны, Сергей Юрьевич! Или, может быть, это просто недостаток опыта? Или знаний?

– Эмилия Леонардовна...

– Дайте мне договорить! Я хочу понять, почему вы допустили такую вопиющую небрежность? Что это – халатность или самонадеянность?

– Эмилия Леонардовна, я на самом деле не видел никаких показаний к госпитализации Гарькина. Совершенно, абсолютно, совсем никаких! Я даже не мог бы сказать, с каким диагнозом его надо госпитализировать!

– Вот как! Интересно! – Эмилия Леонардовна поджала губы и осуждающе покачала головой. – Я знаю, хоть я и не имею высшего медицинского образования, а вы – нет! Надо же!

– Тогда скажите мне, пожалуйста, диагноз.

– Извольте – сотрясение головного мозга. Можете поставить в конце знак вопроса, если для вас это принципиально!

– Но там не было сотрясения!

– Сергей Юрьевич! У меня нет времени и желания начинать обсуждение заново. Впредь непременно госпитализируйте всех учеников, которые будут предъявлять жалобы на голову или на живот! С головой или животом шутки плохи!

– Но у Гарькина не было жалоб на голову...

– В школе, которая находится в соседнем квартале, прошлой зимой ребенок получил мячом по голове во время урока физкультуры! У него тоже не было жалоб, но это не помешало ему умереть на следующие сутки от этого вашего субарахноидального кровоизлияния! Представьте себе – сначала все было хорошо, а потом вдруг стало плохо! А сколько случаев, когда из-за несвоевременной диагностики аппендицита возникает перитонит! Согласитесь, странно, что мне приходится объяснять вам такие вещи!

Я подумал о том, что зря, наверное, поторопился уйти из поликлиники. Да, там хватало своих проблем, но вот так меня там никто не отчитывал. И было бы за что? У этого засранца Гарькина, из-за которого я терплю такие муки, даже маленькой шишки на голове не было.

– Поверьте, Эмилия Леонардовна, я очень настороженно отношусь к пациентам и всегда исхожу из худших предпосылок, но у Гарькина не было ровным счетом ничего такого... Если бы я вызвал «скорую» для госпитализации, то они посмеялись бы надо мной...

– И госпитализировали бы его, потому что гимназия – общественное место, а из общественных мест всегда госпитализирует даже обычная «скорая помощь», не говоря уже об «Оптимамедикусе», где обслуживаются Гарькины. Что, разве не так?

– Так, – согласился я. – Но все должно делаться по показаниям, иначе какой смысл...

– Смысл один – заглядывать далеко вперед, думать о последствиях и беречь репутацию гимназии! Давайте раз и навсегда договоримся, что здесь, на территории «Пантеона наук», я как директор и учредитель определяю не только учебную, но и медицинскую политику. Вы находитесь у меня в подчинении и должны исполнять мои указания. Или же я буду вынуждена

расстаться с вами. Пока, – на этом слове директор сделала ударение, – мне не хотелось бы этого делать. У меня все, надеюсь, что больше мне не придется возвращаться к этой теме.

– Мне госпитализировать Гарькина?

– Не надо. Его уже забрала домой мать.

Сказать, что настроение мое было испорчено, – значит не сказать ничего. Редко когда мне плевали в душу так профессионально и смачно. Кажется, я начал понимать разницу между государственными и частными конторами.

Театр абсурда или Фестиваль маразма

– Доктор!!! В десятом «Б» труп!..

Нет, лучше рассказать по порядку развития событий. Это все же не детективный роман, а нечто вроде дневника.

Кристина Канданова с детства считалась дурнушкой. Таково было общее мнение одноклассников. Толстая, очки дурацкие, прическа еще хуже. Богатый папа никак не влиял на ситуацию – дети бедных людей в «Пенатах наук» не учились.

Закончив девятый класс, Кристина взялась за себя. Сбросила килограммов десять, не меньше, сменила очки на контактные линзы, красиво подстриглась, выправила осанку и даже изменила походку. Поразительно, как ей удалось сделать столько всего за три месяца.

Разительные перемены не могли остаться незамеченными. Мужская часть класса восприняла их позитивно («Вау! Кристинка-то как из гадкого утенка лебедем обернулась!»), а женская, включая и бывших подруг, дружно ополчилась на Канданову.

Оно и понятно – роли и звания в классе были распределены давно и за долгие годы совместной учебы не менялись. Дети, на мой взгляд, просто помешаны на иерархии – первая красавица, самый сильный, самый умный. У нас в классе за каждым был закреплен какой-то талант. Например, я быстрее всех мог считать в уме (это единственное, что удавалось мне в математике), а Саша Грачев громче всех пукал. На весь этаж было слышно.

Травля Кандановой началась первого сентября и очень скоро достигла апогея. Это случилось в тот день, когда Лена Зольникова, первая красавица класса, сказала:

– Некоторым, чтобы не отставать от жизни, придется лишать себя девственности ложкой. Хорошо бы серебряной, но сойдет и обычная.

И при этом обернулась и пристально посмотрела на Канданову. Класс рассмеялся. Урок истории только что закончился, никто, в том числе и Тамара Ивановна, не успел выйти из кабинета.

Выпад попал точно в цель – Канданова закрыла лицо руками и выбежала в коридор.

– Для педагога нет ничего ужаснее чувства собственной беспомощности, – сказала мне позже Тамара Ивановна. – На моих глазах произошло чепэ, а я сделала вид, что ничего не видела и не слышала. А что я могла сделать? Одернуть Зольникову? Так она бы просто послала меня, поставила бы в неловкое положение! И я бы еще оказалась виноватой! Я, конечно, сказала классному руководителю, Галине Борисовне, что у нее в классе очередная конфронтация...

Подростковый максимализм, любовь к романтическим мелодрамам и уязвленное самолюбие – это настоящая гремучая смесь, которая может рвануть так, что мало никому не покажется.

Кристина решила умереть. Совсем как Вероника у Коэльо, только мотив был другой – месть! Станный, конечно, способ и не совсем логичный, но девушке, наверное, казалось, что после ее смерти все раскаются и вечно будут корить себя... Иногда люди бывают потрясюще наивными.

Но тем не менее... Кристина стащила у матери початую упаковку но-шпы, в которой осталось двенадцать таблеток. Она посчитала, что этого вполне хватит для того, чтобы отравиться. Отсутствие некоторых знаний иногда может спасти жизнь. Если бы Кристина порылась бы в Интернете, то она бы узнала, что для надлежащего эффекта нужно не менее шестидесяти таблеток, лучше даже сто.

На следующий день Кристина дождалась второй перемены, вышла вместе со всеми из кабинета английского языка (в гимназии не принято во время перемены находиться в кабинетах), но сразу же вернулась, поворотом ручки заблокировала дверной замок, выложила на

учительский стол заранее написанное письмо и приняла свои двенадцать таблеток, запив их апельсиновым соком...

Учительница английского Нелли Львовна собиралась что-то написать на доске до начала урока и потому пришла раньше. Подергала запертую дверь и побежала за охранником.

Запертая дверь учебного кабинета – это всегда тревожно. Кто заперся? Зачем заперся? Ничего хорошего за запертой дверью происходить не может. По определению.

Охранник прибежал, попробовал открыть дверь ключом, а затем, не долго думая, открыл ее ударом ноги. Внутри они увидели сидевшую на своем месте Кристину, которая при их появлении упала в обморок.

Нелли Львовна, надо отдать ей должное, среагировала мгновенно. Увидела письмо и отправила охранника за врачом, а сама осталась возле Кристины. Потормошила ее как следует, Кристина пришла в себя и дрожащей рукой предъявила пустой пузырек из-под лекарства. Нелли Львовна, припомнив основы медицинских знаний (так назывался предмет), полученные во время учебы в институте, подвела Кристину к умывальнику и заставила ее засунуть как можно глубже в рот два пальца. Ввиду экстренности мер пальцы пришлось засовывать немывыми. Ничего, иногда гигиеной можно пренебречь. Во имя высших целей.

Представляю, с каким выражением лица я ворвался в этот злополучный кабинет английского языка! Рожа красная, глаза навыкате, в руке черный чемодан с большим красным крестом... Неудавшаяся самоубийца затряслась и пролепетала:

– Я б-больше н-н-никогда...

– Где труп? – спросил я, ставя чемодан на стол.

– Это я, – прошептала Кристина, прячась за учительницу.

Появилась медсестра Ольга с носилками и простыней в руках. Носилки у нас заграничные, легкие, но прочные. Нести их в одной руке не составляет труда, тем более такой здоровенной девице, как Ольга.

Мы расстелили на носилках простыню, уложили на нее обмякшую в предчувствии расплаты за содеянное Кристину и бегом потащили ее в медпункт – лечить. Нелли Львовна с моим чемоданом в руке (увесистым, надо сказать, чемоданом) еле за нами поспевала. Уже начался следующий урок, и в коридоре никого не было, даже любопытствующих (или, может, сочувствующих?) одноклассников Кристины увели на следующий урок.

– Куда ее? – спросила Ольга, открывая ударом ноги нашу дверь.

– В ванную! – ответил я.

Увидев резиновый шланг и воронку (стандартный набор для промывания желудка), Кристина побледнела, вцепилась в руку Нелли Романовны и пронзительно заверещала, давая понять, что глотать шланг она не будет.

– Тогда пьем воду и выдаем ее обратно! – скомандовал я. – Много-много раз. И пить добросовестно, не то через шланг волью.

До начала промывания померил давление. Давление оказалось очень даже ничего – сто десять на семьдесят.

На третьей части Марлезонского балета к нам присоединилась Эмилия Леонардовна. Наметанным взглядом оценила состояние Кристины и вывела меня в кабинет для доклада.

– Судя по всему – ей ничего не угрожает, – сказал я. – Но я ее, конечно, госпитализирую...

– Насколько мне известно, несостоявшихся самоубийц кладут в психиатрические отделения, – сказала директор.

Вообще-то эти отделения принято называть психосоматическими, но суть едина, поэтому я не стал ее поправлять, а просто кивнул.

– И вы хотите упрятать Канданову в психушку? – Глаза Эмилии Леонардовны стали по-совиному круглыми. – Вы хоть в курсе, чья она дочь? Вы вообще осознаете разницу между прежней и нынешней вашими клиентурой?

– Так положено, чтобы предотвратить повторные попытки... – Взгляд директора стал таким, что я поспешил добавить: – ...но я сделаю все так, как вы скажете. Что мне следует сделать?

– Закончить эту вашу процедуру, успокоить ученицу и привести ко мне в кабинет. Не отправлять, а привести!

– Разумеется. Это все, Эмилия Леонардовна?

– Нет, не все. После того, как вы приведете Кристину ко мне, вы сразу же забудете всю эту историю. Раз и навсегда!

– Забуду, – пообещал я.

– Иначе вам придется иметь дело с ее отцом, а он церемониться не любит...

– Я-то тут при чем, Эмилия Леонардовна?

– Пока ни при чем. Но у вас может возникнуть соблазн быстро заработать пятьсот–шестьсот, а то и тысячу долларов, продав эту историю в какую-нибудь помойную газетенку. Лучше так не поступать...

«...Потому что покойникам деньги ни к чему. И инвалидам первой группы они много радости не доставят», – прочел я в ее глазах.

– Все будет в порядке, Эмилия Леонардовна...

– Доктор, четыре раза промыли! – Из-за двери выглянула Ольга. – Выходит одна вода.

– Еще один раз, пожалуйста. Последний...

Я в качестве врача никогда не сталкивался с отравлениями но-шпой, но когда учился на первом курсе и еще были живы мои родители, отравилась наша соседка Катя, симпатичная, веселая, общительная девушка, студентка третьего курса МГУ, факультет не помню. У Кати было много поклонников, но с любовью вышла какая-то трагедия – то ли не любил, то ли обманул, то ли как-то подставил. Бабки во дворе болтали разное – у каждой была своя версия. Катю, еще живую, нашла дома мать. Дочь лежала на диване без сознания, а рядом на полу валялся пустой пузырек из-под но-шпы...

Мать позвонила по «ноль-три», но впопыхах переврала номер дома. Телефонный номер назвала правильно, но пока бригада перезванивала и уточняла адрес, Катя умерла. Отметив сорок дней со дня ее смерти, мать повесилась. Такая вот грустная история. Тоже с но-шпой.

К директору мы повели Кристину вдвоем с Ольгой – дождались начала очередного урока, чтобы не проходить сквозь толпу любопытных, и вышли в коридор.

– Голова не кружится? – спросил я, заботливо поддерживая ее под руку.

– Нет, только есть сильно хочется.

Еще бы не хотелось – после промывания в желудке не было ровным счетом ничего. Возбуждение, вызванное пережитым, потихоньку улеглось и на первый план стали выходить самые простые потребности – поесть, поспать...

В директорской приемной Кристину приняла Марина. Поохала, усадила в кресло и спросила у меня:

– Можно ей чаю?

– Не можно, а даже нужно, – ответил я. – И сахара побольше.

– У меня есть печенье и шоколад.

– Это тоже можно.

– А ложечку ликера в чай?

Я последовательно разрешил и ложечку ликера, и мед вместо сахара, и круассаны... Наконец Марина смиростивилась и отпустила меня.

Я поспешил на кухню – снимать пробу.

Сегодня вместо морковных котлет были биточки из цветной капусты. Биточки мне понравились, впрочем, после всего, что произошло, мне бы понравились и морковные котлеты.

– Как там дела? – спросил Юра, имея в виду историю с самоубийством.

– Все хорошо, – ответил я, не считая возможным вдаваться в подробности. Дело было не столько в светлой личности папаши Канданова, сколько в элементарной врачебной этике.

– Третий случай на моей памяти, – вздохнул Юра.

– Неужели? – не поверил я.

– Да. Была восьмиклассница, которая забралась в кабинете физики на подоконник и орала, что сейчас спрыгнет вниз. Третий этаж – вполне можно шею свернуть. И в этом году незадолго до последнего звонка одиннадцатиклассник вены в туалете резал. Канцелярским ножом.

– Грамотно, – одобрил я, – и лезвие острое, и глубоко порезать можно.

– Какое там глубоко, – презрительно скривился Юра. – Так, поцарапал немножко, и все.

– А по каким причинам?

– Восьмикласснице учительница замечание сделала, как можно пережить такое...

– В грубой форме, наверное?

Я не мог представить, после какого замечания может захотеться выпрыгнуть в окно. Впрочем, переходный возраст...

– Я тебя умоляю – какие могут быть грубые замечания в нашей богадельне?! Это же «Пантеона наук»! – Юра откровенно издевался. – Здесь самое строгое замечание звучит так: «Пожалуйста, позвольте мне продолжить урок». Это дурь избалованных деток, банальная дурь и ничего кроме дури. А парню отец не ту машину в честь окончания школы собрался покупать. Он, наверное, хотел «Порше»-кабриолет, а ему «бэух» или «мерс» пообещали. Как же можно жить после такого? Только вены резать! Тебя вот родители много баловали?

– Ну, баловали, конечно.

– Покупали все, что попросишь?

– Нет.

– Вены резать желание было?

– Не было.

– Лошара ты беспонтовый, а еще доктор!

Мы посмеялись, правда, мой смех был немного натянутым. При воспоминании о родителях на меня накатывает грусть. Затем я вернулся к себе и застал в кабинете Тамару Ивановну. Считая себя моей покровительницей и наставницей, она зашла подбодрить меня, а заодно и рассказать, из-за чего разгорелся весь сыр-бор.

– Я так переживаю, – вздохнула она, когда Ольгу вызвала к себе завуч Чучалина и мы остались вдвоем. – Все думаю: «Сережа будет меня ругать за то, что я сманила его сюда».

– Не переживайте, Тамара Ивановна! Во-первых, вы меня не сманили, а во-вторых, решение принимал я сам. За что мне вас ругать? Только благодарить.

– Если что – сразу ко мне. Всегда помогу советом...

Оставшись в одиночестве, я провел небольшой сеанс аутотренинга. Напомнил себе, сколько я теперь буду получать, вспомнил – как паршиво в любую погоду – в снег, дождь и зной бегать по участкам и для полноты впечатлений освежил в памяти самую яркую из истерик Полины Осиповны, моей заведующей из поликлиники. Настроение сразу улучшилось. В конце концов, я и не собирался работать здесь всю жизнь. Год-другой поработаю, а там видно будет.

Другой бы на моем месте здесь бы и жену себе подыскал – подходящих по возрасту учительниц хватало, но я еще не созрел окончательно для женитьбы. Вот исполнится тридцать, тогда посмотрим... Да и вроде как особой популярности у местных дев я пока что не снискал. Только секретарь директора явно, не таясь, выказывает мне свое расположение. Ну и слава богу, так спокойнее.

– Все волнуются, – доложила по возвращении Ольга. – Боятся цепной реакции...

– Это как? – не въехал я.

– Это когда родители начинают выяснять между собой отношения, а в результате весь класс сваливает на сторону. В другие заведения. У нас такое один раз было, когда в десятом «А» народ кокаином увлекся...

– Кокаином?

– Кокаином, – подтвердила Ольга. – А что – им это по карману, богатеньким Буратиным. Тут такие «съезды» происходили – родители орали на Эмилию Леонардовну: «Мой ребенок не такой, его кто-то втянул! Может, это ваши педагоги наркотиками торгуют, а вы их покрываете!» – и так далее. У всех дети не такие, а порошок кто-то ведь таскал. В итоге все как один забрали детей. Класс остался пустым. Так и выпускали через год три одиннадцатых класса вместо четырех. И сейчас вот начнут родители выяснять, кто их дочь довел до того, что она руки на себя собрала, так сразу такая волна поднимется... Ну не придурки, а? Чего им не хватает?..

Как я уже понял, выражение «Чего им не хватает?» было традиционным вопросом сотрудников гимназии.

– ...Нам-то с вами все равно, а для педагогов потеря каждого ученика – удар по карману. И нехилый такой удар, они же все на сдельщине да на процентах сидят. Что заработал – то и получил. У Эмилии Леонардовны не забалуешь!

– Это я уже понял, – вырвалось у меня, что называется, «на автомате».

«Идиот! – тут же отругал я себя. – Держи язык на привязи!»

Ольга, в отличие от Тани, как-то не располагала к откровенности и душевным беседам. Проступала в ней какая-то потаенная гнильца. Излишне вкрадчивый голос, нарочито невинный взгляд, привычка не смотреть в глаза собеседнику.

– Что, уже представился случай? Быстро вы успели, Сергей Юрьевич...

И не поймешь – то ли посочувствовала, то ли съехидничала. Мутная баба, мутная и противная. В поликлинике я бы от такой медсестры сразу бы постарался избавиться. Там это было просто – стоило только начать назначать по многу уколов на участке, как медсестры сваливали к другому врачу.

– Как успел, так и успел! – сухо ответил я, давая понять, что продолжать разговор не намерен. – Давайте лучше займемся составлением графика прививок.

– График можно взять и прошлогодний... – ухмыльнулась Ольга. – Все равно у нас идут поголовные отказы. Кто вообще прививки делать не собирается, кто делает их в своих крутых медицинских центрах. Я просто перепишу график, чтобы он соответствовал календарю – пусть лежит для проверки.

– А проверки часто бывают? – Про проверки мне никто ничего не говорил. – И какие?

– В основном – пожарные и СЭС, но они дальше директорского кабинета редко заходят. А если и заглянут куда, то так, мельком, для вида. Один раз какая-то комиссия из Департамента образования была, а один раз ОМОН приезжал – настоящее маски-шоу устроил. Мы все конкретно так пересрались, а оказалось, что они на территории какие-то учения проводили, и нас это тоже коснулось – не то захватывали нас, не то освобождали. Ну, это проверкой назвать нельзя, так просто...

На доске объявлений (метра полтора на три – ничего себе досочка), висевшей в вестибюле, повесили большой плакат. На фоне из желто-оранжевых осенних листьев ярко-синими буквами было написано: «Восьмой театральный фестиваль нашей гимназии будет проходить с 5 по 15 октября! Актеры приглашают зрителей. Стоимость билета – море улыбок и шквал аплодисментов!»

Я подумал о том, какое определение больше подошло бы к самой гимназии – «театр абсурда» или «фестиваль маразма»? Думал всю дорогу до метро, но так и не решил. Прикольное рабочее место мне подвернулось, будет что в старости вспомнить, если, конечно, доживу.

Гламур, амур и прочие удовольствия

– Хотите логическую задачу? – спросила меня Марина.

– Хочу. – Я ждал, пока освободится Эмилия Леонардовна. Она вызвала меня к себе, но пока я шел, ей позвонили по какому-то важному делу, и вот уже десять минут я сидел в приемной. – Я просто обожаю логические задачи.

– Тогда слушайте. – Марина улыбнулась и повела бровями. – В одном бутике произошла интересная история. Приходит молодая женщина. Стильная такая, холеная, уверенная в себе, но это я так, для образности, к задаче это отношения не имеет. Приходит не одна, а с дядечкой лет пятидесяти...

– Дядечка лысый, жирный с дорогими часами на руке, – добавил я.

– Да, такой папик в законе. – Слово «папик» Марина произнесла с придыханием. – Обручальные кольца у них одинаковые, из чего можно сделать вывод, что это – муж и жена. Женщина выбирает самое дорогое платье, долго, с удовольствием, примеряет его и просто-напросто вопит от восторга...

– Вам бы книги писать, – польстил я.

– Времени нет, а то бы я могла, – «скромно» призналась Марина. – Ну, муж, как и положено, морщится от воплей жены и покупает это платье, тихо сетуя на цену. Как-никак – целых четыре тысячи долларов. Они уходят. На следующее утро та же женщина приходит с совершенно другим мужчиной. Молодым, стройным, загорелым, модно одетым, и тоже с обручальным кольцом на руке, но не с таким, как у нее. Любовник, значит. Женщина берет точно такое же платье, что она купила вчера, и начинает опять его мерить. Это дорогой бутик, продавцы вышколены на совесть и, разумеется, ничему не удивляются. Мужчина покупает женщине это самое платье, и они уходят. Теперь внимание, вопрос: «Что случилось на следующий день?»

Чтобы доставить Марине максимум удовольствия, я, прежде чем ответить, около минуты имитировал мыслительный процесс.

– На следующий день эта женщина пришла в бутик третий раз. Причем пришла одна, без сопровождающих, и вернула одно из двух платьев. Получила за него четыре тысячи долларов и осталась при подарке, который можно носить как при муже, так и при любовнике. И обоим будет приятно.

– Браво! Браво, Сергей! – восхитилась Марина. – Никто не угадывал. Все обычно тупо ведутся на поводу и отвечают: «Пришла с третьим мужиком и купила третье платье!» Зачем? Шоб було! Люди совсем разучились думать!

Зазвонил телефон – Эмилия Леонардовна наконец-то освободилась и жаждала меня видеть. Перед тем как взяться за дверную ручку, я внутренне подобрался – это уже вошло у меня в привычку при общении с директором гимназии. Расслабляться – себе дороже.

– Помимо родительских собраний, на которые, если честно, мало кто приходит, мы проводим нечто вроде конференций. Приходят желающие из числа родителей, а также – журналисты. Пресса и телевидение. Мы отвечаем на вопросы, которые нам задают, то есть рекламируем нашу гимназию. Как, по-вашему, Сергей Юрьевич, наша гимназия заслуживает того, чтобы ее хвалили? На ваш свежий взгляд?

Вариант ответа мог быть только один.

– Конечно, заслуживает!

– Первая конференция в этом учебном году состоится в первое воскресенье октября...

– В воскресенье? – переспросил я, думая, что моя начальница оговорилась.

– Да, в воскресенье. – На меня посмотрели как на идиота. – Когда же еще мы можем рассчитывать на присутствие родителей? Родители наших учеников очень занятые люди. И учебный процесс не должен страдать, так что воскресенье – самый лучший день!

Я кивнул – понял, мол, больше вопросов не имею.

– Мне бы хотелось, Сергей Юрьевич, чтобы вы выступили на конференции с небольшой речью, минуты на полторы-две. Небольшой, но насыщенной, содержательной. Тема – преимущества обучения в нашей гимназии с точки зрения медицины. Вникаете?

– Если можно – то хотелось бы поподробнее...

– Подробности – ваше дело! – нахмурилась Эмилия Леонардовна. – Вы, надеюсь, не считаете, что я должна написать за вас вашу речь? Преимущества обучения в нашей гимназии с точки зрения медицины – разве я не ясно выразилась? По-моему, яснее некуда. Или вы просто не хотите приезжать на работу в выходной день?

Конечно, не хочу. Кому охота убивать свой законный выходной на какую-то дурацкую конференцию? Пресса и телевидение, говорите? Знаем мы эту прессу и телевидение – макулатурный листок районного значения и кабельное телевидение. И то – если снизойдут. А выходной, любимый, заслуженный выходной, накроется медным тазом.

Но, разумеется, сказал я совсем не то, что думал:

– Нет, почему же не хочу? Конечно, приеду, раз такое дело. И речь подготовлю...

– Возможно, вам придется отвечать на вопросы.

– Отвечу, нет проблем.

– Тогда у меня все. Постарайтесь выступить содержательно.

– Все будет в порядке! – заверил я, совершенно не представляя, какие преимущества с точки зрения здоровья дает обучение в «Пантеоне наук».

Находились бы мы за городом, можно было бы об уникальной экологии порассуждать, а тут, в треугольнике, образованном тремя оживленными магистралями, какая может быть экология? Одни выхлопные газы. Да, задала мне директор задачу.

Хотя... можно начать с питания. Мол, если где-то кормят как попало, то у нас тщательно проработанный рацион и уникальные, экологически чистые продукты. Вот это пойдет первым номером. А вторым будут наши кабинеты – правильно подобранная мебель (с учетом роста и прочих особенностей малолетних организмов), освещенность, материалы, используемые при ремонте, и так далее. Такая вот блиц-лекция по гигиене школьников. То что надо.

Так, интересно, а что написано в моих должностных обязанностях? Что-то я не припоминаю, чтобы там было указано нечто подобное...

Папка с правилами и обязанностями лежала в верхнем ящике моего стола. Правильная привычка, сформировавшаяся еще во время работы в поликлинике, где часто приходилось напоминать администрации, что я обязан делать, а что – нет.

Эмили Леонардовне, конечно, лучше не перечить, но хотя бы для себя стоит знать, напрягают меня по закону или нет.

Я достал папку, раскрыл ее и начал читать.

«Проводит детальный медицинский осмотр учащихся с занесением необходимых данных в личную карту ученика. Ведет наблюдение за физическим развитием и состоянием здоровья детей путем регулярных осмотров, взвешивания детей, измерения их роста...»

– Таня, а когда проводятся эти регулярные осмотры учеников?

– Они вообще не проводятся. Пока ученики в нас не нуждаются, мы их не беспокоим.

– Логично.

«Совместно с педагогами обеспечивает сохранение и укрепление здоровья учащихся, проводит мероприятия, способствующие их психофизическому развитию...»

Это чушь. Типичная «программная» белиберда. Пустопорожняя красивость.

«Оказывает лечебную помощь внезапно заболевшим в учреждении детям...»

Это я всегда готов. Священный долг врача.

«Ведет в установленном порядке документацию и отчетность...»

Ну, это святое. Хорошо хоть, что бумажек с гулькин нос, не то что в поликлинике. Я напряг память – что там ведется в обычной школе?

Папки с отчетностью по каждому классу...

Медицинская карта на каждого ребенка...

Журнал учета профилактических прививок...

Журнал учета инфекционных заболеваний...

Журнал регистрации амбулаторных больных...

Журнал учета санитарно-просветительной работы...

Книга для записей оценок санитарного состояния учреждений...

Журнал регистрации медицинской помощи, оказываемой на занятиях физкультуры и при спортивных мероприятиях («травматический»)...

Журнал медико-педагогического контроля за уроками физкультуры...

Ну, и длиннющие годовые отчеты, куда же без них?

«Осуществляет надзор за санитарным состоянием всех помещений гимназии, прежде всего пищеблока и за гигиеническим режимом...»

Слишком глобально написано – на деле я всего лишь снимаю пробу с обеда. Завтраками не интересуюсь, потому что ученикам начальных классов на завтрак дают «привозную» выпечку. Некому в гимназии по ночам булочки печь.

А, вот! *«Проводит санитарно-просветительскую работу среди учеников, их родителей и сотрудников гимназии...»* Можете быть спокойны, дорогой Сергей Юрьевич, напрягают-запрягают вас в рамках ваших должностных обязанностей. *«При экстренной необходимости по приказу директора гимназии врач может привлекаться к работе в выходные и праздничные дни...»* Как там говорят братья-украинцы? Бачили очі, що купували – тепер іште, хочь повилазьте. Как-то так.

Мои размышления прервала учительница биологии Усыченко, женщина предпенсионного возраста с вечной печатью скорби на простоватом лице. Такое выражение, в моем представлении, могут иметь королевы в изгнании, но никак не школьные учителя. Посмотришь на Усыченко, и жить не хочется, не то чтобы уроки учить.

– Здравствуйте, доктор, можно к вам?

Терпеть не могу дурацких вопросов. Видишь же, что я свободен, так чего спрашивать?

– Здравствуйте, Лариса Анатольевна, можно, конечно.

Подчеркнутое «Лариса Анатольевна» намекало на то, что и у меня есть имя с отчеством. Я ведь тоже могу сказать: «Проходите, учительница, садитесь». Что за странная манера обращаться к человеку по его профессии?

Апофеоз такого обращения – это слово «военный». Не «офицер», что еще как-то логично, а «военный». Несколько дней назад кассир в супермаркете кричала вслед майору: «Военный, вернитесь, вы сок забыли!» Умора!

Усыченко уселась на стул, поерзала, вздохнула, словно говоря: «Ну и неудобная у вас мебель», – и попросила измерить ей давление. Стул действительно был неудобным – объемистый зад Усыченко свисал с обеих сторон.

– Сто сорок на восемьдесят пять, Лариса Анатольевна.

– Прекрасно, просто прекрасно, доктор! У меня уже лет восемь не было таких цифр! Все за двести зашкаливало.

– Рад за вас.

– А знаете, почему?

Вопрос был не риторическим – он требовал ответа.

– Потому что вы правильно лечитесь, – ответил я.

Какие тут еще возможны варианты?

– Да, доктор, лечение должно быть правильным! – оживилась Лариса Анатольевна. – Если бы вы знали, сколько я перепила таблеток...

От подобных любительниц пустопорожних разговоров в поликлинике я отделялся мгновенно. «Извините, я очень занят» – и проникновенный взгляд. Срабатывало всегда – то ли говорил я убедительно, то ли взглядом гипнотизировал. Но здесь не поликлиника, а «лучшая частная гимназия Москвы», и потом, надо же налаживать отношения с коллегами по работе.

– Моя печень просто не выдерживала такой нагрузки! Капотен, верапамил, энап, атенолол, арифон, фуросемид...

– Вы принимали все это одновременно? – ужаснулся я.

– Нет... не совсем одновременно, но принимала, и не только это – большую часть таблеток я и не вспомню. И ничего мне не помогало...

Сейчас поделится заветным прабабкиным рецептом – пустырник заваривать или череду. А может, куски селедки к вискам прикладывать, есть ведь и такой рецепт.

Чего только нет! На пятом курсе мы развлекались тем, что придумывали самые невероятные «рецепты» и искали их в Интернете – есть ли такое на самом деле? Находилось все – вплоть до лечения экземы и псориаза повязками с калом. Все придумано для нас.

– А потом мне посоветовали профессора Неунывайко... Вы его, конечно, знаете – это светило международного уровня.

– Галактического, – хмыкнул я.

К профессору Неунывайко я когда-то чуть не устроился на работу. «Работа в крупной медицинской фирме студентам и пенсионерам. Индивидуальный график, высокий заработок» – привлекательное, надо сказать, объявление.

Офис «крупной медицинской фирмы» располагался у черта на куличках, на первом этаже жилого дома. Через дорогу шумел-бурлил рынок. Не самое пафосное место.

Внутри все было знакомым – типичный поликлинический интерьер. Светло-зеленый коридор, банкетки, двери в ряд... Самого профессора я, разумеется, не видел – набор вела какая-то женщина. Она рассказала, что работа заключается в «пропаганде достижений профессора Неунывайко». Проще говоря, мне предстояло сидеть в коридоре, вроде как в очереди в какой-нибудь кабинет, и рассказывать страждущим о том, как я благодаря профессору исцелился от множества заболеваний, включая сахарный диабет. Такса – четыре доллара в час.

Я отказался, решив, что лучше бегать по Москве курьером, чем заниматься подобной пропагандой.

– Можно сказать и так. – Лариса Анатольевна не заметила моей иронии или же сделала вид. – Он меня спас! На первом же приеме велел выбросить все таблетки...

Таня, к которой Лариса Анатольевна сидела спиной, посмотрела на меня и закатила глаза кверху – ну все, теперь не отвяжеться!

– ...и стал чистить мой организм...

Чистка – это модно, потому что всем понятно. Было плохо и грязно, почистили – стало хорошо. Это вам не действие бета-блокаторов и не бином Ньютона. Чистят нынче все – кишечник, сосуды, чакры и весь организм целиком. Мозги только прочистить некому.

– ...клизмы с травами, очищение желчного пузыря, точечный массаж...

– Лариса Анатольевна, простите, но мне надо подготовить документацию для Эмилии Леонардовны. Давайте продолжим наш разговор в другой раз...

– Да-да, конечно, – согласилась Лариса Анатольевна, но с места не двинулась. – Я только покажу вам одну вещь. Вот это – мой спаситель...

Она подняла вверх правую руку и продемонстрировала нам с Таней браслет, туго обхватывающий ее запястье. Небольшие черные квадратики, гладкие, без дополнительного декора. Ничего особенного.

– Это шунгит! – пояснила Усыченко. – Целебный камень! Во времена Петра Первого шунгит имел при себе каждый, но потом постепенно о нем забыли. Сейчас, на наше счастье, вспомнили, но вы же понимаете, что все хорошее подделывается...

Я демонстративно посмотрел на наручные часы. Это куда выразительнее, чем смотреть на часы, висящие на стене.

– Не смею больше вас отвлекать, – Усыченко наконец-то соизволила встать, – но знайте, что если вам понадобится настоящий шунгит, то я могу его достать...

Вот оно что! А я-то думал, что ей просто пообщаться не с кем – все коллеги на уроках, а у нее окно. Правильно говорят: «Во всем непонятном ищи коммерческую подоплеку». Тетя Лариса захотела заработать...

– Скажу сразу – он мне не понадобится! – Тон мой был немного резковат, но я считаю, что лучше сразу расставить точки над «и». – Я не верю в подобные чудодейственные средства.

– Ах, когда я была так молода, как вы, я тоже в них не верила... – Лариса Анатольевна снисходительно посмотрела на меня и, не простившись, вышла.

– Обиделась, – констатировала Таня.

– Ну и черт с ней! – невежливо ответил я. – Лучше сразу обидеть, чем ежедневно слушать лекции о чудодейственных камнях.

– А моя мама как поверила двадцать лет назад в медный браслет, так его и не снимает. Говорит, что стоит снять, как сразу...

– Таня, и вы туда же?

– Молчу-молчу, Сергей Юрьевич! Но с Усыченко вы лучше не конфликтуйте, это такая змея...

– Видели мы и пострашнее.

Змеями меня не испугать – посмотрелся в поликлинике. Ну – змеи, ну – пошипят, ну – расскажут обо мне за глаза что-то гадкое. Меня это не волнует. Тем более что с директором гимназии отношения, если честно, складываются не самым лучшим образом и не исключено, что я здесь надолго не задержусь.

– Да, Эмилия Леонардовна и Надежда Борисовна будут пострашнее, – согласилась со мной Таня. – Но они – начальство, а эта – просто змея.

С минуту я осмысливал услышанное, а потом осторожно поинтересовался:

– Скажите, Таня, а нормальные люди, не змеи, в нашей гимназии работают?

– Конечно! – обрадовала меня Таня. – Мы с вами, Славик Ананичев...

– Это кто?

– Учитель физкультуры в младших классах. У него еще отчество редкое – Мефодиевич. Потом Филиппова, Казарян, Лиза Проскурникова... Да много у нас нормальных людей. Даже Марина Максимовна, хоть и секретарь директора...

– А что, директорскому секретарю положено быть стервой?

– Конечно, положено, – убежденно сказала Таня. – По должности. Вон у моей дочери в школе такая вредная секретутка, что дети боятся ее больше, чем директора.

– Ну, здешние дети, положим, никого не боятся, – улыбнулся я.

– Да, это их все боятся, – согласилась Таня. – Смотрю на некоторых и думаю – ну как так можно, а? Вчера Лиза Проскурникова жаловалась втихаря, что один третьеклассник постоянно плюется в нее на уроке.

– Прямо так и плюется?

– Да, причем постоянно. И ничего с ним не сделаешь – на замечания он не реагирует. Смеется, знает ведь, гаденыш, что ничего ему не будет. Если Лиза пожалуется начальству – ей же и достанется. У Эмилии на все один ответ: «Не можете найти общий язык с детьми, не можете обеспечить дисциплину – валите к чертям собачьим, у меня очередь из желающих работать!»

- А что преподает Лиза?
- Английский. Да вы ее видели...
- Видеть я всех видел, только еще не знаю, кто есть кто.
- На Лизу вы точно обратили внимание. На нее все мужчины сразу обращают внимание – у нее такие большие глаза и бюст тоже...
- Прекрасная рекомендация! – рассмеялся я. – «Большие глаза и бюст тоже»! Да не смущайтесь вы, я шучу.
- Нет, ну кому что нравится... – Таня все же смутилась. – Может, вам такие, как Марина Максимовна, больше по душе. Вкусы же разные...
- А Марина Максимовна тоже педагог? – спросил я, желая сменить тему.
- Нет, она какой-то там дизайнер. Но на это сейчас не проживешь – дизайнеров развелось много, конкуренция там, говорят, бешеная, вот она и работает у Эмилии Леонардовны. Здесь зарплаты у всех хорошие, даже у уборщиц. А Марина Максимовна пришла к Эмилии Леонардовне свои дизайнерские услуги предлагать и так ей понравилась, что попала в секретари. До нее там такой гламурный мальчик работал. Пытался соблазнять всех, кто моложе сорока. Гламур, амур и прочие удовольствия. Ну, пока он комплименты отпускал налево и направо, все было ничего, но как-то раз Эмилия Леонардовна вернулась вечером с полпути – папку какую-то забыла в кабинете – и застукала его вместе с одной из учительниц. В самый интересный момент, представляете? Дома им, видите ли, негде было – мальчик с мамой жил, а учительница с мужем. Ясное дело – обоих тут же и уволили. Чтобы не пятнали репутацию гимназии...

Между двух огней

Детям свойственно шалить, бегать, прыгать, пихаться, толкаться и все такое прочее. Когда шалость имеет последствия, детей приводят ко мне. Иногда даже, приносят.

Ученик шестого «Б» Кованев толкнул своего одноклассника Термышева так, что тот упал и ушиб локоть об пол.

Локоть немного болел, но движения в суставе ограничены не были. Я не нашел у Термышева ничего страшного (хорошо, что он не ударился головой, а то ведь пришлось бы его госпитализировать), но тем не менее порекомендовал ему сделать рентген, выдал направление с диагнозом «ушиб локтя» и на неделю освободил от письменных занятий. Проглотив таблетку анальгетика, Термышев пошел учиться дальше.

Утром следующего дня я имел счастье познакомиться с матерью Термышева. «Счастье» – это слишком мягко сказано.

Она ждала меня у дверей кабинета. Вся такая тоненькая, высокая, красивая, холеная и на взводе. Каблуки-шпильки отбивают что-то вроде «Полета валькирий». Брови грозно сдвинуты, в глазах ярость. Одета в черное – черная кожаная куртка, черный свитер, черные джинсы, черные сапоги. И сумка черная. Ниндзя.

– Вы – доктор Коновалов?

– Я.

– Поговорим в кабинете! – приказным тоном распорядилась странная гостья.

– Подождите, пожалуйста, минуту, – попросил я, проглатывая хамство. – Я переоденусь и приглашу вас.

Медсестры еще не было. Я быстро переоделся и впустил посетительницу.

– Я – мама Вовы Термышева, – представилась она, переступив через порог.

– Садитесь, пожалуйста. – Я указал рукой на стул. – И скажите, как можно к вам обращаться?

– Лидия Георгиевна.

Села она на самый край стула, словно опасаясь, что он может взорваться или сломаться.

– Сергей Юрьевич, – в свою очередь представился я.

– Мне больше нравится обращаться к вам по фамилии, – снова нахамила незваная гостья. – Доктор Коновалов – это так символично. Вы не находите?

– Я привык к своей фамилии и не нахожу в ней ни смешного, ни символичного. Слушаю вас.

– Вчера мой сын был избит на перемене... – начала она.

– Простите, Лидия Георгиевна, но насколько мне известно, ваш сын просто упал, когда его толкнул одноклассник.

– Я так и знала, что вы будете прятать концы в воду! Собственно, я пришла к директору гимназии, но прежде хотелось бы поговорить с вами. Скажите, доктор Коновалов, это вы писали?

Мать Термышева достала из сумки мое направление на рентген.

– Да, я, – ответил я, не беря листок в руки.

– Ушиб локтя – верно? Вы поставили такой диагноз.

– Поставил.

– И спокойно отправили ребенка на рентген, не дав ему никаких рекомендаций?

– Я рекомендовал ему ограничить нагрузки на руку и на неделю освободил от письменных занятий.

– А известно ли вам, доктор Коновалов, что при ушибе в полости сустава может накапливаться кровь? А также может развиваться гнойный артрит и много чего еще?

– Известно.

– Тогда почему же вы просто отправили Вову на уроки? Почему не дали никаких рекомендаций?

– Я же вам уже ответил...

– Вы пытались замять это дело, чтобы никто не подумал плохо о вашем шалмане!

– Простите, Лидия Георгиевна, но я не понимаю, почему вы разговариваете со мной в подобном тоне? Я сделал все, что считал необходимым.

– Ах, какой подвиг! Дать ребенку таблетку и пусть убирается! Вы не подумали, что раз уж такое случилось, то следует позвонить мне и дать подробные рекомендации? Это же не шутка! Это серьезная травма!

– Уверю вас, что я сделал все, что положено.

– «Уверю вас», – передразнила Лидия Георгиевна. – Уверяйте, что вам еще остается делать?

Пришла Ольга. Поздоровалась и ушла переодеваться.

Я почувствовал острое, практически неодолимое желание послать посетительницу открытым текстом, но сдержался.

– Чего вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы вы пересмотрели свой диагноз и дали соответствующее заключение!

– Какое?

– То, что мой сын серьезно пострадал от противоправных действий этого хулигана Кованева! Ну и извиниться конечно же не мешает.

– Боюсь, что не смогу этого сделать. Травма у вашего мальчика легкая, свидетелем происшествия я не был и извиняться мне не за что.

– Нет, вы посмотрите! – Посетительница всплеснула руками. – Отлично! Отлично! Что ж – тогда я пойду к директору и выскажу ей все свои претензии! Я плачу вам деньги за то, чтобы с моим ребенком все было нормально, а не за то, чтобы его покалечили!

С каких это пор слабенький ушиб локтя вписывается в понятие «покалечили»? Не понимаю!

– Если бы вы признали свою ошибку, – палец с длинным перламутровым ногтем уперся в меня, – то я, в свою очередь, не стала бы выдвигать обвинения против вас. Но теперь – держитесь! Я вас засужу!

– За что, позвольте узнать?

– За халатность, если это не что-то большее!

Грозная мстительница вскочила и не вышла, а выбежала в коридор, потому что в ее сумке зазвонил мобильный, а разговаривать в моем присутствии ей явно не хотелось.

– Что это было? – тихо спросила вернувшаяся Ольга.

– Сам не понял, но чувствую, что меня ожидают неприятности.

– Неприятности – это жизнь. – Ольга села на свое место. – А что там случилось?

Я кратко обрисовал ситуацию.

– Ей бы радоваться, что все обошлось, а она волну гонит! – высказалась Ольга. – Бывают же дуры! Дома, наверное, заняться ей нечем, вот и придумывает себе дела. А с мальчиком действительно все в порядке?

– Да, – я вздохнул, предчувствуя неприятности, – с мальчиком все в порядке. Думаю, что сегодня у него уже рука не болит. Только с мамой ему не повезло, бедняге.

– Это точно, – поддержала Ольга. – Не женщина, а молния.

Вызов к директору меня не удивил – я ждал его, знал, что меня вызовут. Хотя бы для того, чтобы объяснить мне, где я прокололся на этот раз.

– Тут было такое! – прошептала Марина, разводя руками. – Третья мировая война.

– А кто она вообще такая? – так же шепотом спросил я.

– Жена богатого человека.

Хороший ответ, а то можно подумать, я этого не знал. Молодец, Марина Максимовна, так держать! Никакой лишней информации! Впрочем, может, я неверно задал вопрос? Наверное, надо было поинтересоваться, чем занимается отец Термышева, ведь именно это я и хотел узнать.

Но времени на дальнейшие вопросы уже не оставалось – ворота чистилища распахнулись и я вошел.

Слава богу, Эмилия Леонардовна была одна. Не хватало мне выволочки в присутствии женщины-молнии.

– Здравствуйте, Сергей Юрьевич. Проходите, не стойте в дверях!

Хороший знак. Неужели я все сделал правильно?

– Садитесь. Я знаю, что у вас сейчас была Термышева. Расскажите подробно, о чем вы разговаривали?

Я рассказал не подробно, а дословно. Эмилия Леонардовна выслушала меня, ни разу не перебив. Когда я закончил, возникла пауза. Долгая – минуты на две. Директор гимназии смотрела куда-то поверх моей головы и едва заметно шевелила губами – явно о чем-то думала.

– Неприятная ситуация, – наконец сказала она. – Термышева устроила скандал по телефону родителям Кованева. Обозвала их ребенка бандитом, угрожала засудить всех – и нас, и Кованевых. Я не понимаю, почему она так въелась. Мальчик сегодня пришел на уроки, с рукой у него все в порядке, она даже не забинтована...

– При ушибе незачем бинтовать, – вставил я.

– Не понимаю. Логика не вижу. Но она настроена решительно. Все время упоминала суд. Хочу вас предупредить, чтобы вы не давали Термышевой никакой информации, не писали никаких заключений и вообще свели бы все общение с ней к минимуму. Вы меня поняли?

«Свели бы все общение с ней к минимуму» – хорошо сказано! Можно подумать, что она интересуется – хочу я с ней общаться или нет?

– Я боюсь, что не смогу ей этого объяснить...

– Сможете. Если она еще раз явится к вам, то просто уходите в глубокую оборону. Твердите, что вы не вправе разговаривать на эти темы, и отправляйте ее ко мне. И сегодня не надо было вступать с ней в дискуссию. Вы могли ненароком сказать что-то лишнее... Что вы так на меня смотрите? Хотите что-то спросить? Спрашивайте!

– Термышева осмотреть повторно? В динамике? Я могу пригласить на консультацию знакомого детского травматолога...

– Не надо. Он к вам не обращается, значит – нечего его дергать. И вряд ли их устроит консультация вашего знакомого детского травматолога, если он не академик. Привыкайте к специфике нашей работы. Как вы думаете, почему у нас такие высокие расценки? Отвечайте, не бойтесь?

– М-м-м... Потому что высокое качество обучения, маленькие классы, питание на уровне...

– В первую очередь потому, что за небольшую зарплату наших милых деток и их чудесных родителей никто терпеть не станет. И когда я нанимаю сотрудников, педагогов или не педагогов, я прежде всего пытаюсь определить их стрессоустойчивость. У меня все.

Я вышел в коридор и в ответ на вопрошающий взгляд Марины сказал:

– Пронесло.

– Прекрасно!

Только теперь, успокоившись, я заметил изменения в облике Марины. Раньше ее нарочито неровные светлые пряди доходили до плеч, а сейчас они стали короткими, ровными и гладкими, открывая взору красивую шею. Длинная шея – это далеко не всегда красиво, как бы там ни воспевали ее поэты, но у Марины шея была хороша, как и ее тонкая стройная фигура.

– Новая прическа вам к лицу, Марина, – сказал я.

– Спасибо. – Марина даже слегка раздурманилась от удовольствия. – А я все думала – правильно ли сделала, что подстриглась?

О как! Она подчеркнула важность моего мнения. Намек понял.

– Правильно, – ответил я, но дальше развивать тему не стал.

Выглянул в коридор – не притаилась ли в засаде кровожадная мамаша Вовы Термышева? – и пошел к себе. Надо же – к фамилии моей докопалась, да еще с ехидным намеком! Стерва! Фамилия Коновалов, между прочим, пошла от двух слов: «конь» и «валять». В древности глагол «валять» употреблялся в значении «лечить», поэтому Коновалом называли человека, который лечил лошадей. Очень уважаемая профессия – куда ж раньше без лошадей? Никуда. По другой версии, деревенских ветеринаров называли коновалами, потому что они часто занимались кастрацией жеребцов (да и быков тоже), улучшали, так сказать, характер, а для этой операции коня следовало уложить, повалить на землю. Это уже потом слово «коновал» стало употребляться как оскорбительное по отношению к врачу. Ну и что с того? У самой-то можно подумать фамилия Аполлонова-Бельведерская!

Странно, но если в институте меня иногда подраивали, правда большей частью беззлбно, то в поликлинике никто – ни пациенты, ни их родственники, ни сотрудники не обращали на мою фамилию никакого внимания. Коновалов и Коновалов, не Какашин и не Дерьмоедов, в конце концов. Вы скажете, что таких фамилий не существует? Как знать? Когда-то я был уверен, что не существует фамилии Пропердяев, теперь же знаю, что есть...

Прикольно, конечно. Мамаша Термышева против гимназии и семейства Кованевых. Кстати, надо бы узнать силовое соотношение...

Вернувшись в кабинет, я нашел карты Термышева и Кованева, узнал, как зовут их отцов, и пошарил в Интернете. Расклад оказался примерно одинаковым – отец Термышева владел фирмой, шьющей форменную одежду (мне понравился их слоган: «Пора оформляться!»), а Кованев-старший был генеральным директором (и скорее всего владельцем) компании, торгующей металлическими изделиями – болтами, гайками и прочим крепежом. Примерное равенство сил давало надежду на то, что конфликт не получит развития. Хотя кто ее знает, эту Лидию Георгиевну...

Я мысленно посочувствовал ее мужу (попробуй поживи-ка с такой бок о бок) и порадовался тому, что сам до сих пор не женат. Женитьба – такое дело, с которым вообще не надо торопиться.

Совсем не к месту вспомнилось есенинское: «Я знаю – в жизни счастья нет, Она есть бред, мечта души больной» («Я ль виноват, что я поэт»). Я подумал о том, что сегодня после работы надо устроить себе маленький холостяцкий праздник – купить пива и всяких разных солений-копченостей.

Вопросы и ответы

В пятницу вечером позвонила моя бывшая заведующая Полина Осиповна.

– Добрый вечер, Сергей Юрьевич! – пропела она в трубку. – Не побеспокоила? Найдется минутка для бывшей начальницы?

При желании Полина Осиповна может быть весьма милой и приятной, только для того чтобы понять это, надо прекратить работать под ее чутким руководством. Фамилия у Полины Осиповны Гусева, и, подобно гусыне, она все время шипит и клюет подчиненных. Как по поводу, так и без.

– Добрый вечер, Полина Осиповна, – столь же елейно ответил я. – Конечно, найдется. И не только минутка, но и все десять.

– Ах, спасибо. Как вам работается, Сергей Юрьевич? Не обижают вас на новом месте?

– Нет, не обижают. – Я не удержался, чтобы не добавить: – Я человек закаленный, прошел огонь, воду и медные трубы, и меня теперь просто так не обидишь.

– Рада за вас. – Полина Осиповна предпочла пропустить намек мимо ушей. – Если я не ошибаюсь, вы сейчас работаете в сфере частного образования?

Вот так номер! Я чуть было трубку не выронил от изумления. Откуда она могла знать о том, где я работаю, если я не рассказывал об этом ни соседям, ни кому-то из поликлиники? Да я вообще в поликлинике после увольнения не был. И на улице никого из бывших коллег не встречал. Откуда же информация?

А, ясно откуда! Если не я, то, значит, Эмилия Леонардовна. Небось звонила наводить обо мне справки и конечно же представилась, чтобы главный врач знала, с кем она разговаривает. Да конечно же Эмилия – больше некому.

– Можно сказать и так.

– Сергей Юрьевич, а могу ли я обратиться к вам с просьбой? Личной просьбой?

– Смотря с какой, – уклончиво ответил я.

– Ах, суший пустяк! У меня есть дочь, Катя, может слыхали?

– Конечно, слышал. – Полина Осиповна обожает жаловаться на своего зятя, а где про зятя рассказываешь, там нет-нет и дочь помянешь.

– Катя – педагог. Прекрасный специалист. Преподает с душой, очень любит детей. Да, я не сказала – она преподает английский язык...

Здесь Полина Осиповна сделала паузу, явно ожидая моей реакции, но я молчал и ей пришлось продолжить:

– Но что такое обычная школа? Сплошные слезы. Нет, сейчас педагогам, конечно, прибавили, как и нам, но эти деньги не решают Катиных проблем...

Нет, какова нахалка! Позвонила в надежде на то, что я посодействую в трудоустройстве ее дочери. Как будто мы расстались закадычными друзьями! Недаром же говорят, что нахальство – второе счастье. Ай да Полина Осиповна, ай да молодец!

Еще одна пауза, и снова я ничего не сказал.

– Так вот, я подумала, что вас, Сергей Юрьевич, наверное, не затруднит замолвить словечко за Катю? В вашей частной школе.

– Какого рода словечко? – Я прикинулся идиотом.

– Ну, попросить, чтобы ее приняли к вам на работу.

– Я очень сожалею, Полина Осиповна, но у нас учителями английского языка работают этнические британцы, – я еле удерживался от смеха, – носители языка, так сказать.

– Это сколько же им платят? – ахнула бывшая начальница.

– Три тысячи в месяц, – не моргнув глазом соврал я.

– Евро или долларов?

Вот ведь дотошная старая ведьма, все ей надо знать.

– В фунтах стерлингов, Полина Осиповна! И еще оплачивают квартиру в Москве и прокат автомобиля.

– Значит, не судьба, – вздохнула Полина Осиповна. – А я так надеялась. Но если вдруг ситуация изменится...

– Я непременно вам сообщу! – пообещал я. – Всего доброго. Привет родной поликлинике!

И повесил трубку, пока Полина Осиповна не стала сватать мне какого-нибудь внучатого племянника в преподаватели физкультуры. С нее станется. Представляю, какой фурор произведет мой треп в школе, где работает ее Катя. Три тысячи фунтов – это более четырех с половиной тысяч долларов! Неплохая зарплата.

Упоминание об Англии вызвало желание послушать что-то из старого английского рока. Я покопался на полке с дисками и нашел альбом «Rare Bird» сорокалетней давности. Да, у меня устаревшие, чуть ли не патриархальные вкусы, и я горжусь этим.

Поворотом ручки я переключился на шестую песню от начала и упал в кресло – наслаждаться.

*Now when you climb
Into your bed tonight
And when you lock
And bold the door
Just think of those
Out in the cold and dark
Cause there's not enough love to go 'round
And sympathy
Is what we need my friend
And sympathy
Is what we need
And sympathy
Is what we need my friend
Cause there's not enough love to go 'round
No there's not enough love to go 'round...²*

Перевод:

«Забираясь в свою постель
И запирая
Надежные двери,
Подумайте о тех,
Кто находится на улице,
В холоде и мраке,
Им не достаточно любви...
И симпатии,
Это то, что нам нужно, друг мой.
И симпатии,
Это то, что нам нужно.
И симпатии,
Это то, что нам нужно, друг мой.
Им недостаточно любви,

² «Sympathy», «Rare Bird», 1969.

Нет, им недостаточно любви...

Раздался стук в стену – сосед Дмитрий Павлович напоминал мне о том, что приличные люди в десятом часу вечера слушают музыку через наушники. В наушниках – так в наушниках, я ничего не имею против.

Радионаушники я покупал на Савеловском рынке. Перемерил все, что было в наличии, методично доводя продавца до белого каления, и в итоге купил то, что надо: наденешь их, и не чувствуешь. Как-то раз я даже в этих наушниках и заснул...

В субботу я отдыхал столь интенсивно (встреча с бывшими однокурсниками – это всегда тяжелое испытание для головы и печени), что чуть было не проспал конференцию. Страшно представить, что бы могло случиться, не явись я вовремя и не расскажи о преимуществах нашей гимназии, да еще с медицинской точки зрения. Наверное, гимназия потеряла бы всех своих учеников, не иначе. Это я так, утрирую.

Время начала конференции по каким-то неведомым мне причинам переносилось четыре раза – то ли не могли выкроить «окно» телевизионщики, то ли не могли собраться корреспонденты. В конце концов остановились на десяти часах – раньше сядем, раньше закончим. Разумеется, Эмилия Леонардовна строго-настрого предупредила меня, чтобы я ни в коем случае не опаздывал. Электричка, мол, ждать не будет.

Я пришел без четверти десять и был очень удивлен, увидев у главного входа курящего Юру.

– Что ты вытаращился? – вместо «здравствуй» спросил он. – Не видел, как люди курят?

– Видел... Но...

– Я еще и пью иногда, – подмигнул Юра. – А правила сегодня не действуют – воскресенье, день без правил.

– Ты тоже будешь выступать?

– Нет, какое там. Я и моя команда обеспечиваем застолье. Так, по мелочам – вроде фуршета. Надо же угостить дорогих гостей...

– А они уже собрались?

– Пока никого. – Юра аккуратно затушил окурок о край урны. – Но Эмилия Леонардовна уже час как здесь.

– Где же все остальные? – я посмотрел на часы. – Время без десяти.

– К двенадцати подтянутся, – успокоил меня Юра. – Иди, покажись на глаза начальству и топай ко мне.

– Зачем?

– Ну, я думаю, что чашечка кофе и парочка бутербродов заметно скрасят твоё ожидание...

Ожидание растянулось на три чашки кофе и семь бутербродов с ветчиной, сыром и зеленью. Заодно я узнал все последние гимназические сплетни.

– Ты какой-то странный, – сказал Юра. – Торчишь целыми днями в своем кабинете, кроме столовой никуда не выходишь. Тебя считают букой.

– Куда же мне выходить?

– Да хотя бы в учительскую заглянуть – пообщаться с народом. Неужели тебе не бывает скучно?

– Согласно должностным обязанностям я должен быть в кабинете...

– Согласно должностным обязанностям мы все много чего должны делать. – Юра посмотрел на меня как на идиота. – Видел бы ты мою должностную инструкцию! Скажи медсестре, что ты пошел в учительскую, и все. Кстати, вот тебе хороший повод для того, чтобы окончательно влиться в коллектив – в четверг день рождения у Аси Агеевой... Знаешь такую?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.